

Татьяна Петровна Григорьева

Япония: путь сердца

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4603572

Япония: путь сердца: Культурный центр «Новый Акрополь»; Москва; 2008

ISBN 978-5-901650-15-8

Аннотация

Удивительная и без сомнения знаковая книга, названная «Япония: путь сердца», окажется важной не только для тех, кто интересуется культурой, традициями, историей Японии. Ибо она, наверное, не столько о Японии, сколько о Пути. Вопрос о Пути связывает воедино размышления автора об удивительных параллелях между мировоззрением Японии и России, о судьбах мира, запертого сейчас в узких рамках рационализма. Тем актуальнее и значимее звучат слова автора: «Несвобода претит Пути богов, – вне свободы ничто не станет самим собой... Лишь следуя своему Пути, достигаешь Единого». Сердце, человек и вселенная, мир, в котором живут не только люди, но и боги... Прикоснувшись к этому, хочется остановиться и осмыслить собственный путь. Читая о неуловимой душе Японии, понимаешь душу свою – что большего может найти читатель?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Судьба Культуры	12
Кризис западной цивилизации	25
Японцы и русские	43
«В индивидуальности заключена вся тайна бытия»	56
Навык Культуры (в Японии)	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Татьяна Петровна Григорьева

Япония: путь сердца

Татьяна Петровна Григорьева родилась в Ленинграде. Окончила Московский институт востоковедения. Сейчас является заслуженным деятелем науки РФ, профессором, доктором филологических наук, главным научным сотрудником Института Востоковедения АН России, членом Союза писателей России, членом редколлегии журнала «Иностранная литература», главным редактором «Восточного альманаха». Основная сфера деятельности – сравнительное литературоведение, японская литература. Татьяна Петровна автор множества книг, посвященных загадочной и неуловимой душе Востока: «Одинокий странник», «Японская художественная традиция», «Дао и логос (встреча культур)», «Движение красоты. Размышление о японской культуре», «Красотой Японии рожденный», «Японская литература XX века» и других.

Пролог

Все боги живут в человеческой груди.

У. Блейк

Почему вопрос о сущностных признаках культуры считают очень важным в наше время? Потому что вне культурного поля ничто состояться не может, кроме нескончаемых распрей, войны всех против всех. Какова культура – таков и человек, каков человек – такова и культура. Ныне культура оказалась под угрозой. Значит, что-то не в порядке с человеком. Если культура не отвечает своему назначению – одухотворять человека и тем вести мир к спасению, то это – псевдокультура.

Во всем есть подлинное и мнимое, созидательное и разрушительное. Важно, чтобы второе не взяло верх над первым, чтобы люди не привыкли к перевернутому состоянию мира, принимая ложь за Истину. Тогда всему конец, возобладает контркультура. Евгений Трубецкой еще в начале XX века назвал причину надвигающейся катастрофы: «Вопрос о смысле жизни, быть может, никогда не ставился более резко, чем в настоящие дни обнажения мирового зла и бессмыслицы... Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя. В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Оно должно определиться в ту или другую сторону. Что же победит в нем – культурный зоологизм или то „сердце милующее“, которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной – зверинцем или храмом?»¹

Илл. 1. Вид на гору Фудзи

Подниматься ввысь труднее, чем спускаться или опускаться. Но страшно опуститься до той грани, когда человек перестает быть человеком. Тогда он теряет поддержку Пресвятой Троицы, и все в нем, его личность начинает распадаться. Но так не бывает, чтобы что-нибудь одно пребывало в мире «как бы двойного бытия». Поэтому и возникло движение против техногенной цивилизации, создавшей пустыню вокруг и внутри нас, против той культуры,

---

¹ Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках // Избранное. – М., 1997. – С. 351.

которая отпала от чистых истоков и стала питаться из сточных канав вульгарности. Потребительская цивилизация вывернула наизнанку человеческие ценности, и если так будет продолжаться, уже ничто не спасет мир от катастрофы. Человек станет жертвой собственного недоумия, душевной беспечности, разнузданности. И не будет ему оправдания, сколько бы ни уповал он на происки нечистой силы, которую сам и выпестовал.

Этими проблемами озабочены теоретики и вдохновители движения контркультуры: «Судьба духа – это судьба социального порядка. Если в нас гибнет дух, то значит, то же самое произойдет и с тем миром, который мы выстроили вокруг нас», – уверяет Теодор Роззак². Действительно, все созданное вне духа, будь то дома или книги, разрушается. Т. Роззак задается вопросом: «Почему в наше время, чем более развито общество, тем глубже в нем гнет тоталитарного насилия, который становится ярмом хуже, чем у варваров? Отчего нравственный упадок и жажда тотальной войны продолжают преследовать потомков Возрождения в большей степени, чем во времена Вольтера? Отчего нигилизм и неврозы парализовали общество, которое мы называем развитым?»³

Тоталитарное общество, отпавшее от Духа или от Пути, не могло не рухнуть, а привыкший к несвободе человек отвык от свободы, боится остаться наедине с собой, без «дорожных указателей», хотя и делает вид, что ничего не боится. Но свобода не явится, пока человек не вернется к себе, неповторимому, не пройдет обратный путь до истока своего порабощения, не обратится к тому, что сохранила для него исконная Культура. Отпав от Бога, от Духа Святого, человек отпал и от себя: принес изначальное Чувство, «сердце милующее», в жертву рассудку, но при этом не стал умнее. Оттого и называют такое сознание «усеченное», «одномерно плоскостное», в общем – «несчастное». Оторвавшись от Основы, утратив связь с миром, человек стал частью, функцией. Чтобы преодолеть тотальный распад, полагает Т. Роззак, нужно разрушить барьеры, отгородившие разум от чувства, вернуть человеку ощущение своей целостности, причастности Единому. Человечество стоит «между смертью и трудными родами» (Т. Роззак).

И все же было бы странно, если бы человек не воспользовался возможностью родиться заново, какими бы трудными ни оказались роды. В нем оживает память, а вместе с ней – тяга к культурам, особенно к тем, которые избежали недуга отчуждения, опираясь на традиционную Основу. К ним обращаются современники в надежде вернуть утраченное равновесие. И, может быть, более всего это относится к японской культуре, особенно к дзэнским искусствам (садам, хайку, икэбана).

От того, как понимает человек роль культуры и цивилизации, от осознания их правильного отношения зависят качество жизни, самоощущение человека. Его одухотворение, возвышение или, наоборот, уплотнение и нисхождение – под собственной тяжестью – до неразличимости в массе предметов. Вещный мир грозит оттеснить человека, по праву сильного, и тогда сбудутся мрачные предсказания фантастов. Утратив волю к жизни, не выполнив своего назначения – одухотворять сущее, – человек выпадет из Бытия за ненужностью.

Кто только сейчас ни озабочен кризисом техногенной цивилизации! Так, Карл Ясперс заявляет о превращении общества в одну большую машину с человеком в роли сырья. Вернер Гейзенберг не теряет надежды: человек, действительно, изменил мир не в лучшую сторону, приноротив его к себе. Но, значит, он несет ответственность за свое детище: «Впервые в истории человек на нашей планете противостоит лишь себе»⁴. А на Востоке об этом знали давно: «В Индии интерес философии сосредоточен на „я“ человека. „Атманам виддхи“ – познай самого себя – так резюмируют там законы и учения пророков Индии. В человеке есть

---

² Rossak Th. Where the Wasteland Ends. – N.-Y., 1972. – P. XVII.

³ Ibid. – P. 106.

⁴ Новая технократическая волна на Западе. – М., 1982. – С. 435.

дух, являющийся средоточием всего сущего»⁵. И цель буддизма – найти в себе свое истинное Я – преображая себя, человек преображает весь мир. Более того, буддизм позволяет понять, почему западная мысль не привела человека к самопознанию. Причина – в антропоцентризме, обернувшимся эгоцентризмом, на чем акцентирует внимание Карл Густав Юнг: «Для нас сознание невообразимо без эго. Если нет эго, тогда просто некому что-либо сознавать. Поэтому эго совершенно необходимо для сознательного процесса. Однако восточный ум не испытывает затруднения в понимании сознания без эго»⁶.

Илл. 2. Колокол в буддийском монастыре

Но как нам познать себя, свое назначение? Наверное, для начала нужно найти свое место в истории своего народа. А историю одного народа невозможно понять, не сопоставив ее с историей других народов, – вне действия законов мирового притяжения. У каждого народа есть свое предназначение, но оно обусловлено общемировой задачей, и никакую из мелодий нельзя выкинуть, не нарушив строй звучания. Целое морально само по себе.

Все пути ведут к Одному, не повторяя друг друга, – сказано в древнекитайской «Книге Перемен» («Ицзин»). Одни народы вынашивали одну идею, другие – другую, чтобы сообща прийти к Истине. И отношение их к культуре и цивилизации не могло совпадать, хотя на Западе долгое время думали иначе, считая свою цивилизацию единственно возможной, эталоном на все времена. Теперь, правда, так уже не думают. Столкнувшись с кризисом техногенной цивилизации, обратились к опыту Востока (Китая, Индии, Японии). К опыту тех стран, где доминируют не столько техника или философия, сколько Культура, исходящая от Неба или Небесных богов. Культура – это Основа, а цивилизация – средство, подспорье для ее претворения.

На Востоке верят в изначальность нравственного Закона, морального Пути, который называют Срединным, то есть избегающим крайностей, односторонности во имя вселен-

⁵ Радхакришнан С. Индийская философия: В 2 т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 17.

⁶ Юнг К. Г. О различии между восточным и западным мышлением // Сознание и бессознательное. – М., 1997. – С. 511.

ской Гармонии. Воплощена изначальная Мораль, исходящая не от людей, а от великого Дао, в образе Культуры небесного происхождения. Поэтому считали, что нарушивший моральный Закон перестает быть человеком. Конфуций говорит: «Истинный человек жертвует жизнью, но не человечностью» (Луньюй, 15, 9). Лишенный чувства Справедливости – человек лишь с виду, по сути не отличается от животного. А Мэн-цзы скажет: «Я люблю жизнь, но еще больше люблю Справедливость. Если не могу иметь то и другое, предпочту Справедливость»⁷. О вере в изначальность Справедливости, ее имманентности Бытию свидетельствует и древний комментарий к «Ицзину» (его называют «Десять крыльев»): «Совершенномудрые проникли в Путь Неба и назвали его *Инь-Ян*. Проникли в Путь человека и назвали его Человечность (*Жэнь*) и Справедливость (*И*)» (Шогуа-чжуань, 1, 24). В другом комментарии сказано: «Справедливость, проникая в тонкую энергию (*Цзин*), приобщает к Духу. Тогда достигаешь наивысшего» (Сицы-чжуань, 2, 29). И там же: «Назначение человека, обретая духовность, просветлять сущее» (Сицы-чжуань, 1, 12).

Почему это возможно? Потому что Справедливость, духовный Свет присущи изначальной природе (Сим). Человеку же назначено достичь той степени совершенства, когда он станет Трединым, вровень с Небом и Землей. «Великий человек соединяет свое *Дэ* (дарование) с Небом и Землей; свой Свет – с Солнцем и Луной; живет в ритме четырех времен года» (Вэньянь-чжуань). Такого человека называют «Человеком Истины» (кит. – *Чжэнь жэнь*). Истинный человек наделен Искренностью, присущей Небесному Дао, через Искренность соединяется с Небом, узнает его волю. Оттого он видит все, как есть, не знает заблуждений, становится бессмертным.

Что уж говорить о даосах! В Дао все уже есть: «В тончайшей энергии (*Цзин*) заключается Истина, Искренность» (Лао-цзы. Даодэцзин, 21). «Знание Уравновешенности (*Хэ*) назову Постоянством (*Чан*). Знание Постоянства – Просветленностью (*Мин*)» (Даодэцзин, 55). И не было ученых мужей в Китае или Японии, которые не верили бы в изначальный Свет, к которому устремляется человек, следующий Пути. «Тот, кто вне целостности и чистоты, тот вне Духа. Кто вне Духа, тот вне Пути» (Чжуан-цзы, 12). А кто вне Пути, тот обречен на исчезновение.

---

⁷ Конфуцианское «Четверокнижие» / Пер. П. С. Попова. – М., 2004. – С. 358.

Илл. 3. Императрица Дзингу. Древнейший храм Якусидзи

Вера в изначальный Свет настолько укоренилась в восточном сознании, что в ней не сомневается Нитобэ Инадзо – автор книги «Бусидо. Душа Японии», вышедшей в начале XX века: «Треножник, на котором держится Бусидо (Путь самурая), – это Мудрость, Человечность и Мужество»; «Если бы Бусидо полагался только на физическую силу, то не смог бы просуществовать семь столетий»⁸. Христианин по вере, он не находит противоречий между конфуцианством, повлиявшим на психологию самураев, и заповедями Христа: «Зачем человеку весь мир, если он душе своей повредит»; «Царствие Божие внутри вас есть».

Дао ведет к совершенству, не уподобляя и не отделяя одно от другого. Это Знание известно не только древнему Востоку, оно доступно и нашему времени. Американский уче-

---

⁸ Inazo Nitobe. Bushido. The Soul of Japan / 6th edition. – Tokyo, 1973. – P. 94, 170.

ный Алан Уотс уверяет: «Согласно китайской философии, будь то даосизм или конфуцианство, если вы не доверяете Природе и людям, значит, вы не доверяете себе. Если вы не доверяете себе, значит, вы выпадаете из всей природной системы. Вы и Природа – один и тот же процесс. Это и есть Дао»⁹. Немногие пока смогли проникнуть в тайну восточной мудрости – недостающую половину вселенского Знания, – но их соединение, неслиянное и нераздельное, уже неизбежно – по закону вселенского Пути: «Одно Инь, одно Ян и есть Дао».

Читателя могут смутить стиль изложения, необычность формы – как бы моноцентрическими кругами, волнообразно, «туда-сюда». Но от Дао нельзя отступить ни на шаг, иначе это не Дао. В этом проявилось воздействие древнего Востока. Что касается повторов, то в восточной системе мышления повтор невозможен в принципе, ибо все – в Пути, в следующий момент то же самое выглядит иначе. Это традиционный прием: повторяя, возвращаясь к Основе. По крайней мере, согласно Конфуцию: «Тот, кто повторяет старое, узнает новое» (Луньюй, 2, 11).

А изобилие ссылок объясняется тем, что хотелось не описывать своими словами то, что уже давно сказано, – в духе Конфуция: «Не сочиняю, а передаю. Верю в древность и люблю ее» (Луньюй, 7, 1). Главное – не исказить. Пересказывая своими словами мысли мудрецов, не передашь обаяние языка древних, чары музыки «изгибающихся звуков» (*кеку*). Как будто у человека без прошлого может быть будущее.

---

⁹ Watts A. Tao: Watercours Way. – N.-Y., 1975. – P. 32.

Глава 1

КУЛЬТУРА – ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ИСТОРИЯ

Идея нации не то, что она думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности.
Вл. Соловьев

Судьба Культуры

В наше время слово «культура» почти утратило свой первоначальный смысл, от частого употребления превратилось в своего рода заклинание, не обладающее магической силой. Такой процесс – в духе нашего времени: происходит размывание, подмена понятий, в результате чего слово из символа становится пустым звуком. Когда Цзы-лу спросил Конфуция, с чего он начнет наводить порядок в государстве, Учитель ответил: «С исправления имен». – Ученик удивился: «Вы говорите неясно. Зачем исправлять?» – Конфуций ответил: «Как ты необразован, Ю! Истинный человек не судит опрометчиво о том, чего не знает. Если названия неправильны, то и слова неверны. Если слова неверны, то и дела не делаются» (Луньюй, 13, 3)¹⁰.

Так произошло и с понятием культуры: от неправильного употребления слов культура перестала отвечать своему истинному назначению. К культуре люди нередко относят все, что произвел человек. Но *все* значит *ничего*: на уровне множества, отпавшего от Единого, все теряет себя. «Душе, ушедшей от себя, нанесет удары некая огромность, и душу мучит подлинная нищета, ибо по природе своей вынуждена она искать всюду единое, а множественность этого не позволяет» (Бл. Августин. О порядке, 1, 2).

Аналогично и понятие «цивилизация» в значительной степени утратило свой первоначальный смысл. Французские просветители видели в цивилизации гарант разума и справедливости (от лат. *civilis* – «гражданский»), отождествляли ее с культурой. Но век спустя «союз» распался. Сознание, со времен древних греков настроенное на противоборство, развело в разные стороны все пары, в том числе культуру и цивилизацию, и они оказались в оппозиции. В XIX веке под цивилизацией понимали главным образом материальную культуру, технологию. Дистанция между культурой, если иметь в виду духовную культуру, и цивилизацией все более увеличивалась. Это и побудило Освальда Шпенглера в начале XX века назвать цивилизацию выродившейся культурой, когда главенствуют техника, индустрия – то, что дает прибыль, но низводит человека до уровня живой машины.

Из трех компонентов: культура – цивилизация – история лишь культура обладает абсолютной ценностью, хотя бы потому, что без культуры не было бы ни цивилизации, ни истории, не было бы самого человека. Не потому ли в наше время человечество, движимое инстинктом самосохранения, задумалось о смысле этих понятий? Опасно принимать за Культуру то, что к ней не только не относится, но даже ей враждебно, – псевдокультуру, вульгарность, цинизм, вседозволенность.

---

¹⁰ Китайские мудрецы цит. по: Сочинения китайской классики: В 20 т. – Т. 1: Ицзин и комментарий к нему – «Десять крыльев». – Токио, 1966; Т. 6: «Даодэцзин» Лао-цзы. – Токио, 1968; Т. 4: Чжун-юн. – Токио, 1967; Т. 12: Чжуан-цзы. – Токио, 1987.

Илл. 4. Блаженный Августин

Древние провидцы Востока и Запада напоминали: во всем, что существует в мире, есть две природы – небесная, извечная, которая в конечном счете все определяет, и земная, преходящая, зависящая от уровня сознания человека. Это относится и к культуре. Есть культура,

не подверженная воздействию времени, и есть культура, зависимая от времени как функция, форма существования людей. То, что происходит на низшем плане, может приближаться или отдаляться от того, что вечно пребывает на высшем. Но если теряется связь между высшим и низшим, земное отпадает от небесного, часть от Целого, обрекая себя на гибель. Утратив опору в Едином, часть саморазрушается: Целое отторгает непричастное ему.

Для России падение культуры равносильно утрате Пути. Вот и бредет она по бездорожью, теряя силы. Это уже не то двуединство русской культуры, о котором писал Евгений Трубецкой: многообразна и сложна гамма душевных переживаний, «где солнечная лирика светлой радости совершенно необходимо переплетается с мотивом величайшей в мире скорби – с драмою встречи двух миров»¹¹. Философ предвидел вырождение культуры, которое для России может быть смертельным. «Опасность для России и для всего мира – тем больше, что современный хаос осложнен и даже как бы освещен культурой... Здесь биологизм сознательно возводится в принцип, утверждается как то, что должно господствовать в мире. Это неслыханное от начала мира порабощение духа – озверение, возведенное в принцип и в систему, отречение от всего того человеческого, что доселе было и есть в человеческой культуре. Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя»¹². Не прислушались – и теперь имеем то, что имеем. Надолго ли?

---

¹¹ Трубецкой Е. Н. Избранное. – М., 1997. – С. 369.

¹² Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. – М., 1916. – С. 52–53.

Илл. 5. Евгений Трубецкой

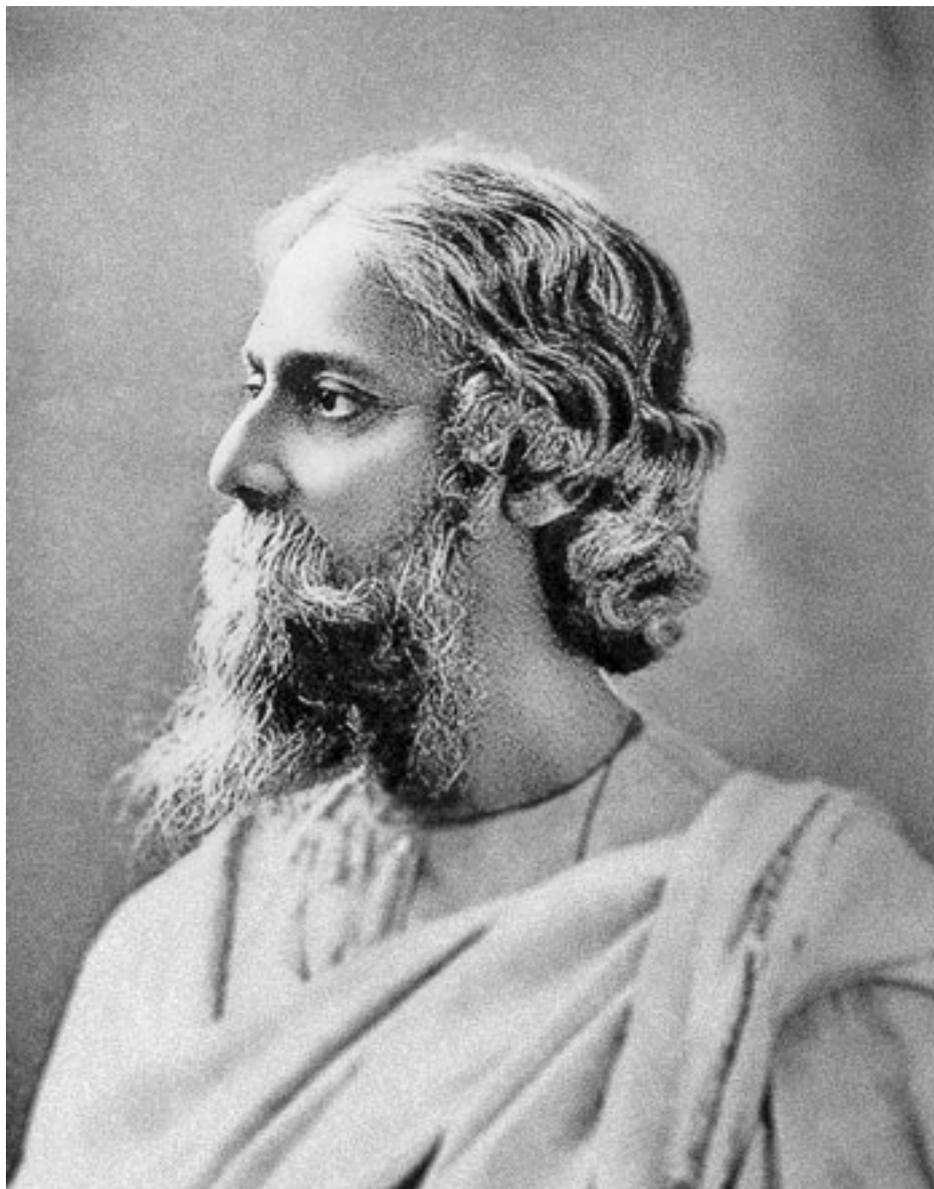
Измена Культуре равнозначна измене национальному Пути, нарушению вселенского порядка. Рабиндранат Тагор, посетив Японию в 1916 году, когда вышла упомянутая книга Трубецкого, тоже испытывал чувство тревоги: «Долг каждой нации – проявить перед миром свою национальную сущность. Если же нация ничего не дала миру, это следует считать национальным преступлением. Это хуже смерти и не прощается человеческой историей. Нация обязана поделиться лучшим, что есть у нее. Благородная душа и есть сокровище нации. Ее долг, одолевая предрассудки, отправить всему миру приглашение принять участие в празднике ее духовной культуры»¹³.

Культура общечеловечна, потому что национальна. Национальная культура являет себя в неповторимой форме, будучи хранительницей духа своего народа. Но если оскудевает ее источник, страдают все народы. Невидимыми нитями соединяется один народ с другим, и

---

¹³ Эти слова Тагора произнес Кавабата Ясунари в Гавайском университете, читая лекции «Существование и открытие Красоты». Кавабата Ясунари. Существование и открытие Красоты. – Токио, 1969. – С. 34.

важно, чтобы не оборвались эти нити под тяжестью невежества и тупости. Умирает культура, умирает язык – ее животворящая сила: душа покидает тело нации. Это – всемирный грех, ибо национальные культуры кровно связаны между собой, и если какая-то теряет себя, то страдают все.

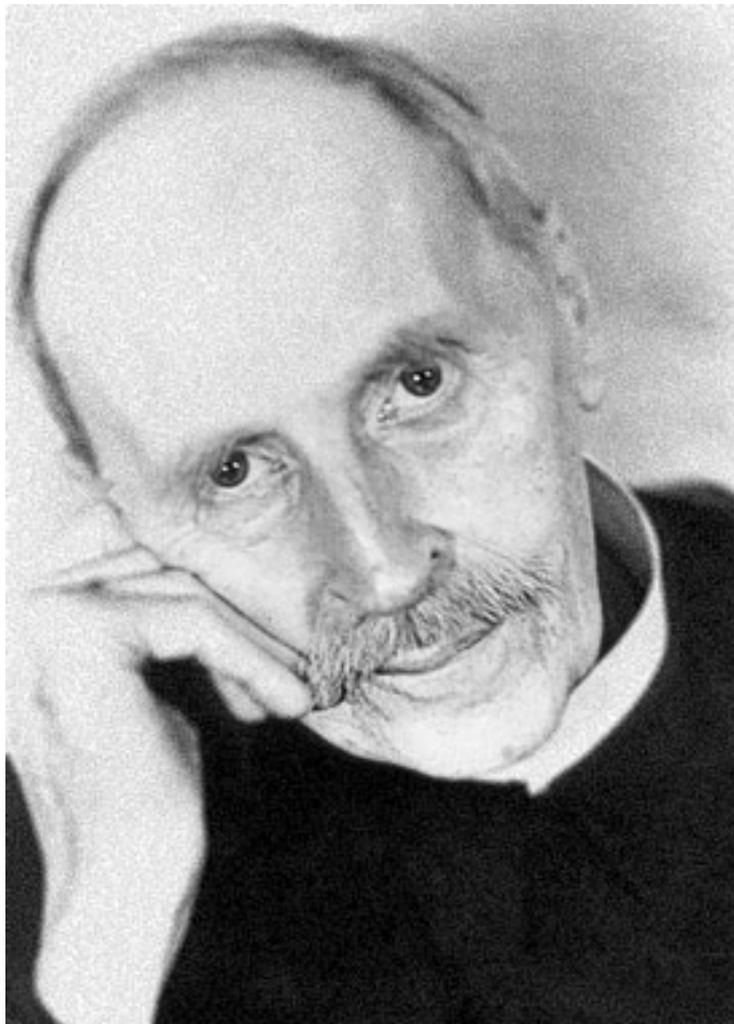
Илл. 6. Рабиндранат Тагор

Идея Всеединства в предгрозовые времена начала XX века возвысила наряду с русской и индийскую мысль. «То, чего сегодня ждет весь мир, – это грандиозная идея духовного Единства Вселенной, – возвещал Вивекананда. – Единственная и бесконечная сущность в вас, во мне, во всех. идея, что вы и я не только братья, но вы и я – одно»¹⁴. Француз Ромен Роллан, брат индийских мистиков по духу, писал: «У всякой нации, как и у каждого отдельного человека, есть в ее жизни одна-единственная тема, которая служит центром ее существования, основная нота, вокруг которой группируются все остальные ноты гармонии. Если она ее отбросит, если она отбросит принцип своей собственной жизненности, направление,

---

¹⁴ Цит. по: Ромен Роллан. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды // Собр. соч. – Т. 19. – Л., 1936. – С. 279.

переданное ей веками, – она, эта нация, умирает»¹⁵. Инстинкт самосохранения заставляет Россию искать национальную идею, вот только найти ее она все никак не может. Не потому ли, что не там ищет?

Илл. 7. Ромен Роллан

Тревожились те, кто надеялся спасти людей от мирового кошмара. Тогда и появилась книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» – сигнал бедствия, потрясший умы. Прежде всего, это несогласие автора с одномерной логикой, линейным, плоскостным мышлением. Отгородив человека от мира, такое мышление опутало людей иллюзиями. Одной из иллюзий была идея «прогресса», подгонявшая историю двигаться вперед, что есть сил, пока она, история, не лишилась чувств.

Вместо монотонной картины мировой истории Шпенглер увидел многообразие культур, каждая из которых следовала своей идее. «Наконец стало совершенно ясно, что ни один фрагмент истории не может быть полностью освещен ранее уяснения тайны всемирной истории вообще, вернее говоря, истории более развитого человечества как органического единства, имеющего правильную структуру»¹⁶. Значит, опрометчив европоцентризм: западноевропейская культура исключение, а не правило.

В науке господствовало представление о последовательной смене эпох, формаций – следствие все той же одномерной логики. «Древность – Средневековье – Новое время: такова

---

¹⁵ Там же. – С. 278.

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – С. 63.

та невероятно скудная и *бессмысленная* схема, абсолютное господство которой над нашим историческим сознанием всегда мешало нам правильно оценить... территории Западной Европы, понять ее действительное место в системе всемирной истории, уразуметь ее смысл, ее облик и особенно продолжительность ее жизни» (с. 20). С тех пор мало что изменилось. Видимо, труднее всего меняется сознание – легче всего просто признать его «несчастливым».

Тип мышления, унаследованный от греков и египтян, предполагает господство «прямой линии» и «прямого угла». Логика мысли обусловила логику истории: каков человек, таков и мир. Вместо монотонного образа растянутой в линию всемирной истории «я вижу множество могучих культур, с первозданной силой расцветающих на лоне родной местности. Каждая из них дает *собственную* форму своему материалу – человечеству; каждая из них имеет *собственную* идею, *собственные* жизнь, волю, чувство и *собственную* смерть», – писал Шпенглер (с. 27).

Илл. 8. Дорога в храм Дзякко-ин, Охара

Илл. 9. Храм Бёдо-ин, Удзи

Но как уловить историю, если сама она – бесконечное становление? Становление, считает Шпенглер, может быть только пережито. Отвергая прямолинейность, созерцая историю с высоты полета, он признает три эпохи: Отца, Сына и Святого Духа, но они остались для него как бы в тумане. История есть образ души, душа же смертна. Сама Фаустовская душа, по его мнению, предвещает конец мира. *«Все возникшее преходяще... Все преходящее есть только символ»* (с. 213–214). Но что стоит за этим символом?

Освальд Шпенглер готов признать, что в основе каждой великой культуры лежит Перводуша, обусловившая ее судьбу, но не видит высшего смысла. Отсюда, считает он, – одиночество Фаустовской души, ее неприкаянность. Жизнь идет по нисходящей – превращается в механизм, а идея благодати – в половое влечение. Верховным становится культ полезного. Цивилизация, поглощая культуру, обрекает ее на смерть: культура переходит из органического состояния в неорганическое. Шпенглер уверяет, и не без оснований, что чем ниже опускается культура, тем выше поднимается спорт, и все уподобляется игре, в том числе искусство. Игра не требует работы ума. Не оттого ли ныне она вошла в моду?

Если культура как любой биологический организм проходит одни и те же биологические стадии: рождения, взросления, увядания и смерти, – значит, ее гибель неизбежна. Признавая, что логика уподобилась механике, Шпенглер не остается свободным от рокового дуализма, когда одно противостоит другому: цивилизация – культуре, мертвое пространство – живому времени, человек – цивилизации, человеку культуры. И это противостояние неизбежно. Так, страх греков перед бесконечностью сменился противоположной ему фаустовской страстью к бесконечному. Отсюда и чувство неукорененности, утраты опоры в вечности¹⁷. Называя культуру «высоко развитой душой», О. Шпенглер не верит в бессмертие самой души. Но к духу неприменимы законы органического мира. Философ сам с собой вступает в противоречие, утверждая, что все движется на поверхности, пребывает в покое на глубине, а на высоте созерцания противоположности уничтожаются¹⁸.

¹⁷ Все есть везде – дело в расстановке акцентов, в господствующем типе мышления. Согласно Плотину, беспредельности свойственны движение и покой, и потому она не может мыслиться сама по себе, но лишь в связи с эйдосом, который только и может одновременно двигаться и покоиться, – записал он в трактате «О числах».

¹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. – С. 37.

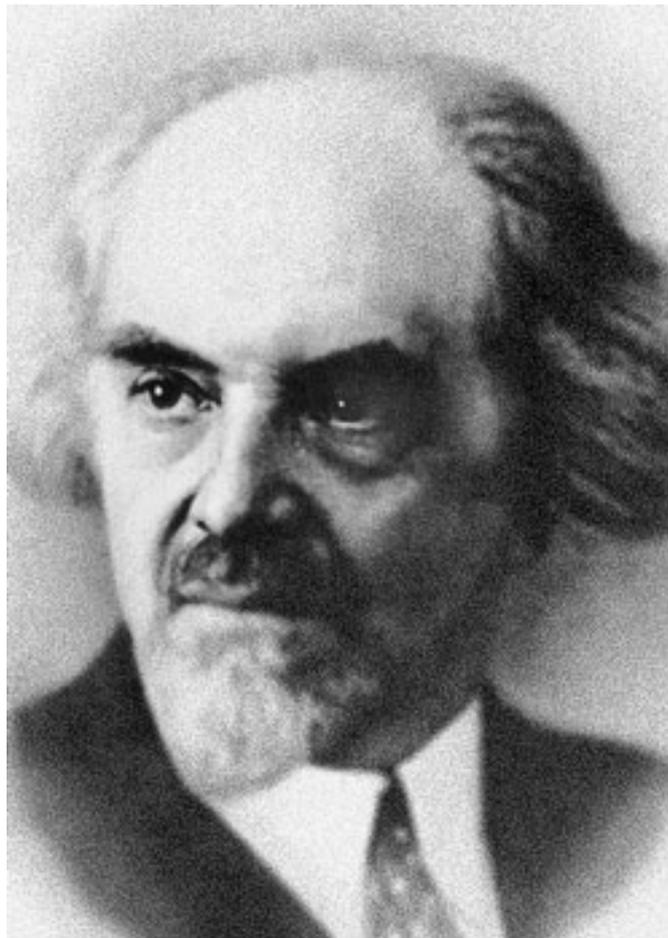

Илл. 10. Освальд Шпенглер

Однако как же достичь высоты созерцания, если унаследованная логика препятствует этому? – задаются вопросом русские философы, откликнувшиеся на книгу Шпенглера¹⁹. Почти каждый автор этой удивительной книги – «Освальд Шпенглер и Закат Европы» – разделял его критический взгляд, но упрекал в отсутствии религиозного чувства, ощущения Праосновы, извечности духовной культуры, – абсолютной Истины. О. Шпенглер, по их мнению, представил нечто эмпирически живое, но трансцендентально мертвое, хотя ему не чуждо чувство Мировой души, где вечно присутствуют прообразы культур. Эта Мировая душа время от времени отпускает души вселенских культур и принимает их обратно по завершении пути.

---

¹⁹ Почти все именитые философы: Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. А. Франк – откликнулись на «Закат Европы» в книге «Освальд Шпенглер и Закат Европы», вышедшей в Москве в 1922 году, когда на «корабле философов» из России выдворили мыслящих.

Илл. 11. Николай Бердяев

За изложением живых фактов Семен Франк увидел у Шпенглера проникновение в абсолютное и вечное живое единство бытия и жизни, и этому не помешало отсутствие у последнего религиозной интуиции. Христианство у Шпенглера исчезает, тогда как История, по мнению Франка, при всей случайности и хаотичности внешних событий, предстает необходимым осуществлением, каждый момент которого имеет свою самодовлеющую ценность в силу всеединства сверхвременного бытия. У Шпенглера, однако, есть лишь субстрат истории в виде Первотуши, в лоне которой пребывают до поры до времени души культур, но нет субъекта истории, ее создателя.

По мнению Федора Степуна, Освальд Шпенглер ощущал Мировую душу, хотя и говорит о ней туманно. Каждая культура, как Сатурн кольцом, опоясана своим роковым одиночеством, и все же в каждой из них разлит свет Мировой души. «В этой мировой душе все вечно пребывает; в ней и поныне живут потерянные трагедии Эхила»²⁰, и не как созданные формы, а в невысказанной и неразрушимой первосущности.

Николай Бердяев свои размышления о книге Шпенглера назвал «Предсмертные мысли Фауста». Судьбу европейской культуры Бердяев сравнивает с судьбой Фауста, возжелавшего господства над миром, но истощившего себя в бездуховной цивилизации: для него померк свет Логоса. Культура имеет своим истоком культ предков, она невозможна без священных преданий. Культура органична, от нее зависит качество жизни человека. Каждая культура имеет свое лицо, она индивидуальна, и это позволяет ей одухотворять сущее. Цивилизация же механична, безлика, бездуховна, ее мера – количество. «Нас, русских, нельзя поразить

---

²⁰ Там же. – С 13.

этими мыслями. Все русские религиозные мыслители утверждали это различие между культурой и цивилизацией»²¹.

Бердяев не верит в смерть культуры. Духовная культура если и погибает количественно, то сохраняется и пребывает качественно. «Она была пронесена через варварство и ночь старого средневековья. Она будет пронесена через варварство и ночь нового средневековья. Есть основания думать, что Шпенглер в русском Востоке видит тот новый мир, который идет на смену умирающему Западу»²². Он, действительно, видел в России «обетование грядущей культуры».

Не потому ли, что Россия живет не по правилам, она и мыслит не линейно, «проскочила» логическую фазу, да и с техникой в России не все ладно? Россия видит вдаль, но не видит вблизи, а потому часто спотыкается. Ее беда – в беспамятстве, так как она легко расстается с прошлым и, обрывая традиции, лишает себя источника питания. Можно не столько вспомнить слова Чаадаева, сколько задуматься над ними: «Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является нам Бог весть откуда. А ведь, стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединять в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок – и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара. Но не такова роль, определенная нам Провидением. Оно всецело предоставило нас самим себе. В нашей крови есть нечто враждебное всякому истинному прогрессу»²³.

Но, может быть, в этом и состоит наше преимущество, если внутренне присущее обретет, наконец, внешние формы. Во всяком случае, необузданная Россия привлекла внимание Освальда Шпенглера. В «прямолинейном прогрессе» он не только не видел ничего хорошего, но более того – считал его скорее нисхождением, а в империализме видел символ конца: «мертвые тела, аморфные, бездушные человеческие массы, изношенный материал великой истории. Империализм есть цивилизация в ее чистом виде»²⁴. Как-то подзабыли наши нувориши, что власть денег от Сатаны, «люди гибнут за металл».

---

²¹ Там же. – С. 65.

²² Там же. – С. 70–71.

²³ Соч. и письма П. Я. Чаадаева // Философические письма. – М., 1914. – С. 113, 117.

²⁴ Шпенглер О. Закат Европы. – С. 29.

Илл. 12. Святилище Касуга-Тайся, Нара

По мнению Шпенглера, с арены мировой истории сошли уже восемь великих культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская («аполлоновская»), византийско-арабская («магическая»), западноевропейская («фаустовская»), культура майя (видимо, по причине человеческих жертвоприношений. Но это особая тема). Согласно Шпенглеру, нарождается девятая великая культура – русско-сибирская²⁵. Против рождения русско-сибирской культуры трудно возразить. Но что ее ожидает, какая участь – предполагать сложно. Истинная культура бессмертна, как бессмертен дух. Судя по возрастающему интересу к культурам Индии и Китая, не говоря о Японии, жизнь опровергает его прогнозы.

Действительно, почему одни культуры ушли в прошлое, а другие остались? Ответ на этот вопрос может многое прояснить. Остались те культуры, которые следовали предназначению им Пути. Дао безостановочно: «Одно Инь, одно Ян и есть Путь». Значит, культурам не может быть уготована одна и та же судьба. Один Путь не может быть подобен другому: каждый сам по себе сообщается с великим Дао. Поэтому и понятия судьбы не было на Востоке²⁶. Но в чем нельзя не согласиться со Шпенглером, так это с его утверждением о кризисе цивилизации или того витка истории, основы которого были заложены в греческой модели мира.

---

²⁵ Аверинцев С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. – 1968. – № 1. – С. 148.

²⁶ Григорьева Т. П. Идея судьбы на Востоке // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 98–109.

Кризис западной цивилизации

*Двадцатый век. Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь...*

А. Блок. «Возмездие»

«Тень Люциферова крыла» ощущал и Гете в устремлениях падшего человека, когда писал в статье «Поэзия и правда»: «Чем больше Люцифер сосредотачивался в самом себе, тем было хуже ему и всем духам, которых он лишил радости сладостного восхождения к их первоистоку. Так свершилось то, что мы зовем отпадением ангелов. Поскольку же все зло, если простительно так называть его, пошло от Люциферовой *односторонности*, то вполне понятно, что сотворенному им бытию недоставало лучшей его половины»²⁷.

Роковая односторонность вместо радужной надежды породила отчаяние и нигилизм. Дух отрицания свел с ума Фридриха Ницше. Разочаровавшись во всем, чему поклонялись прежде, он взбунтовался против Бога, не оправдавшего, с его точки зрения, надежд человека. Но именно Ницше стал властителем дум, не исключая России. Еще в 1910 году «Московское книгоиздательство» опубликовало полное собрание сочинений Ницше.

Фридрих Ницше в чем-то сродни Освальду Шпенглеру. И с его точки зрения, становление лишено всякого смысла, и если можно человеку на что-то уповать, так это на Грецию досократовских времен, на естественные инстинкты «природного человека». Жизнь сама по себе превосходит всякую логику. Названия работ Ницше говорят сами за себя: «Человеческое, слишком человеческое» (1878), «По ту сторону добра и зла» (1887) и, наконец, «Антихрист» – произведение, опубликованное уже по смерти автора. «Бог умер!» В безбожном мире все вывернулось наизнанку. «Порок, душевные больные, преступники, анархисты, все наши сословия и состояния проникнуты этими элементами. *современное общество* – не „общество“, не „тело“, но большой конгломерат чандалы – общество, утратившее силу *извергать из себя* вредные ему элементы»²⁸. Несмотря на это более всего живуч в нашем обществе синдром социальности: человек не мыслится вне общества, хотя оно не может ему дать того, в чем он действительно нуждается.

Общество обессилело оттого, что обессилел человек, которому Ницше предлагал превзойти себя: «*Я учу вас о сверх-человеке*. Человек есть нечто, что должно превзойти... а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?»²⁹ Но его сверхчеловек не «превзошел себя»: оказавшись во власти удвоенного «я», сверх-эго, субъект затерялся в мире объектов.

---

²⁷ Гете И.-В. – Собр. соч. – Т. 3. – М., 1976. – С. 296–297.

²⁸ Ницше Ф. Воля к власти // Полн. собр. соч. – Т. 9. – М., 1910. – С. 34.

²⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб., 1911. – С. 5.

Илл. 13. Фридрих Ницше

Полвека не прошло с тех пор, как Вильгельм фон Гумбольдт, соотечественник Фридриха Ницше, говорил о снятии субъективности – во имя пробуждения подлинного субъекта, творца истории. Там, где достигается глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка, игнорирующего своеобразие. Наступает процесс «внутреннего восприятия и творчества, из которого становится совершенно очевидным, что объективная истина проистекает от полноты сил субъективно индивидуального»³⁰. Внутренний человек, по Гумбольдту, свободен от внешней личины, социальных уз. Сопоставим его высказывание со словами Конфуция: «Благородный человек (*цзюньцзы*) не коллективен, но всеедин. Мелкий человек (*сяожэнь*) коллективен, но не всеедин» (Луньей, 2, 14). Мелкий человек думает о выгоде, о частных, групповых интересах, а благородный – об Истине, общем благе. «Благородный человек устремлен к Основе. Достигая Основы, обретает Путь» (Луньей, 1, 2).

---

³⁰ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 320.

Илл. 14. Вильгельм фон Гумбольдт

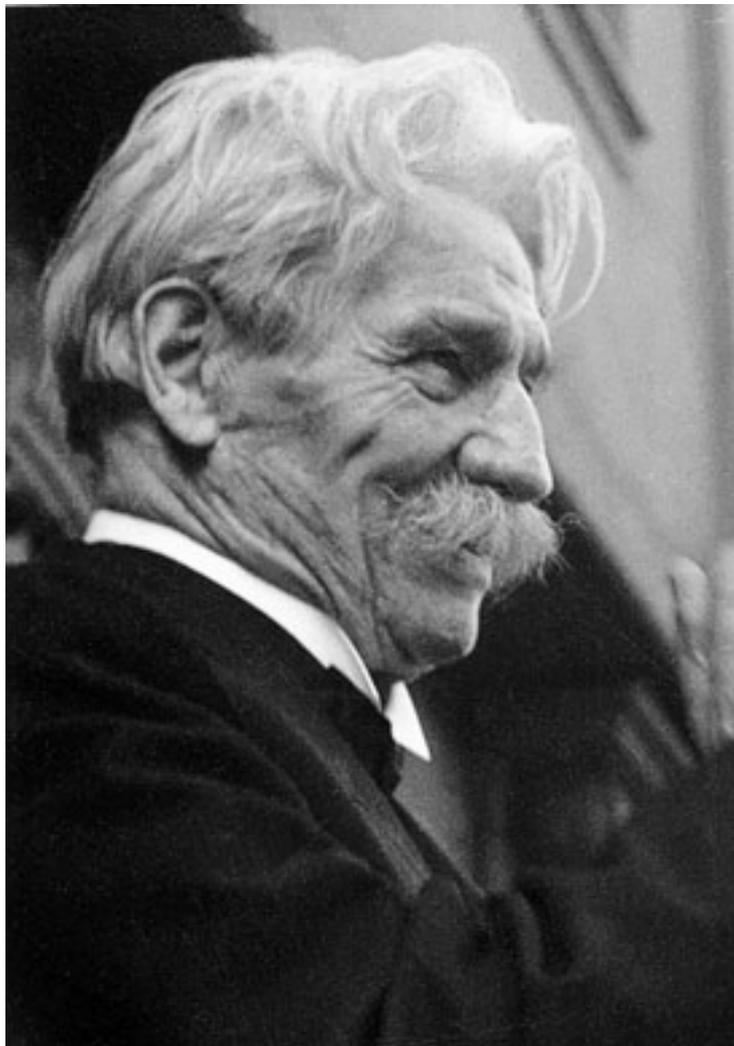
Проблема субъекта в наше злополучное время оказалась в центре внимания. Человеку предназначено найти себя, и этим озабочен Гумбольдт: «Субъективность отдельного индивида снимается, смягчается и расширяется субъективностью народа, субъективность народа – предшествующими и нынешними поколениями, а субъективность этих последних – субъективностью человечества вообще»³¹. Что означают слова: «субъективность индивида снимается субъективностью народа»? Освобождаясь от эго, человек начинает видеть других; очищаясь, его душа открывается миру. Эгоцентризм, как всякий мнимый центр, отторгается законами Целого. Не ощущая своей причастности миру, отчуждаясь от него, он начинает саморазрушаться. Эгоцентризм снимается чувством единородства со своим народом, с которым человек связан невидимыми нитями. Истинный человек индивидуален и национален одновременно, то есть тогда индивидуален, когда национален, и наоборот. Он думает о душе народа, но не превозносит ее, не противопоставляет другим. Противопоставление, по Конфуцию, – удел мелкого человека.

Что означают слова Гумбольдта о том, что «субъективность народа снимается субъективностью человечества»? Тот народ заслуживает доверия, который свободен от национального эгоизма, ощущает себя частью человечества и разделяет его заботы. Чувствовать свою причастность миру может лишь народ, не утративший своей индивидуальности, связи

---

³¹ Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 316.

с предками. Кто не дорожит своим прошлым, тот не может уважать и прошлое других народов. Нация, не преодолевшая «субъективность народа», думая лишь о своих частных интересах, саморазрушается, как саморазрушается всякая часть, претендующая на место Целого. Все, что нарушает закон Целого, этим целым отторгается как инородное тело.

Илл. 15. Альберт Швейцер

Логика Целого рождает мысль о субъективности человечества. И человечество не выдержит испытания, если продолжит бездумное покорение Космоса, не отдавая себе отчета в том, что путь покорения, колонизации исчерпал себя. Человечество есть часть Вселенной, и никакая из ступеней ее Иерархии не может быть обойдена. Земля входит в систему Целого более высокого порядка, скажем, в галактику, подчиняясь единым законам. Целостность одного служит условием целостности другого. Эти мысли Вильгельма фон Гумбольдта перекликаются с мыслями великих русских космистов (с учением В. И. Вернадского о Ноосфере, со взглядами К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и др.) Согласно А. Л. Чижевскому, в нашей Солнечной системе все взаимосвязано, пульсирует в согласии с ритмом Солнца. Человек в процессе утробного развития повторяет все стадии Эволюции, служит как бы экраном прошедших ее фаз. Конечной целью человека является Просветление, в которое верили великие дзэнские мастера, ученые и художники.

Однако многие предпочли идеи Ницше парадоксам Гумбольдта. Ницше обнадежил, но его надежды не оправдались. Не потому ли, что «когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу» (Св. Августин. О граде Божиим, 14, 4)? Иначе как понять слова

Ницше: «Война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему»³².
Гете понимал, как страшится Сатана пробужденного, человека, не подвластного его воле:

Я – части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот – порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел – поверхность твердых тел.

Гете. «Фауст» (пер. Б. Пастернака)

Илл. 16. Владимир Вернадский

И взбунтовался честный ум, восстал против сверхчеловека. В 1952 году Альберт Швейцер возвысил голос в защиту человека: «Но сверхчеловек, наделенный сверхчеловеческой силой, еще не поднялся до уровня сверхчеловеческого разума. Чем больше растет его мощь, тем беднее он становится... Наша совесть должна пробудиться от сознания того, что чем больше мы превращаемся в сверхлюдей, тем бесчеловечнее мы становимся»³³. Сознание, обращенное к «поверхности твердых тел», назвали плоскостным, зауженным. Люди пыта-

---

³² Ницше Ф. Воля к власти. – М., 1994. – С. 37.

³³ Цит. по: Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990. – С. 11.

лись изменить жизнь, не изменив свой ум: однако «конечное может расти без конца, но никогда от бесконечного увеличения конечной величины не получится актуальной, положительной бесконечности»³⁴. Шпенглер оказался прав: западно-европейский путь не является единственно возможным.

Восточный ум не располагает к оперированию понятием «часть»: мир един, он не конструируется, а существует извечно, меняются лишь формы его проявления. Не могла на этой почве привиться идея сверхчеловека, противоречащая представлениям о Едином. Современный индийский писатель Раджа Рао говорит об этом вполне определенно: «Сверхчеловек – наш враг. Посмотри, что случилось в Индии. Шри Ауробиндо хотел, если угодно, улучшить *адвайту* (адвайта – абсолютная недвойственность. – Т. Г.) Шри Шанкары, в попытке улучшить числовое положение ноля. Ноль образует все цифры, с ноля начинается все. Ноль – безличен, в то время как один, два, три – все числа дуальны. Один всегда подразумевает много, а ноль подразумевает Ничто»³⁵.

Илл. 17. Александр Чижевский

Этим все сказано, если понять, о чем идет речь. А речь идет о разном понимании «начала»-«безначального», о разных путях развития Запада и Востока, разных формах сознания. Адвайта – это непротивостояние одному другому, это недвойственность. Существует одна

---

³⁴ Эрн В. Ф. Борьба за Логос. – М., 1911. – С. 255.

³⁵ Raja Rao. The Serpent and the Rope. – L., 1960. – P. 207. Буддолог Л. Мялль напоминает, что индийские математики, усвоившие ноль в III веке до н. э., обозначили его словом «шунья» и описали так же, как буддисты описывают Нирвану.

Реальность, для одних это – Брахман, для других – Будда. Из этой единой, неопишуемой, не имеющей формы Основы все проистекает. Проблема эта очень непроста и настолько важна для сохранения Целого на любом уровне – на уровне клетки или галактики, что вынуждает то и дело обращаться к ней в книгах (например, «Дао и Логос»³⁶), в статьях, выступлениях.

Итак, одни мыслители исходили из видимого мира, определенности, принимая за исходное что-то Одно, безусловное начало – архе, к которому сводили все – будь то Вода Фалеса, Огонь Гераклита, Воздух Анаксимена или Число Пифагора. «Одно» служило точкой отсчета для последующего причинноследственного ряда – дискурсивного мышления. Образованная единым началом (архе) линия рассекла явленное на две половины: субъект – объект, человек – природа, сущность – существование. «Правильно мыслить значит разделять разделяемое и соединять соединяемое», – наставлял Аристотель. Метод аналитики обусловил характер науки и психологию людей. Идею «беспредельного» Анаксимандра Аристотель не мог принять именно потому, что существовал «предел», беспредельное же внушало ужас.

В отличие от «беспредельного» Дао или Тайцзи китайцев, которому ничто не противостоит, беспредельное для греков имело предел, как в первой из десяти пар Пифагора: «беспредельное – предел». Кстати, в той же, упоминавшейся уже мною книге об Освальде Шпенглере Федор Степун тонко подметил, что пифагорейское число, лежащее в основе всех вещей, – не что иное как мера и пропорция, как чувственная плоскость античной статуи. Пафос дали, пафос бесконечности абсолютно чужд ей, потому античная математика никогда бы не могла принять концепции иррационального числа, связи между числом и бесконечностью, связи, которую Бердяев определил как сингулярную. Для китайцев число никогда не было основополагающим, как и слово: то и другое – функция Дао.

Греки тоже признавали совершенной форму круга – шара. Но уже Фалес рассек его диагональю, доказывая равенство вписанных в него треугольников, и тем самым положил начало линейной геометрии. При этом шар был осязаем, конечен, судя по восприятию Парменида: «Могучая необходимость держит в оковах его, пределом вокруг ограничив. // Есть же последний предел, и все бытие отовсюду // Замкнуто, массе равно вполне совершенного шара, // С правильным центром внутри» (О природе, фр. 8, 30, 42). Что отсюда следует? То, что выразил сам Парменид: «Бытие есть, Небытия же нет». Бытие неизменное, вечное, располагающее к статике. Лао-цзы же скажет: «Все вещи рождаются из Бытия, Бытие же рождается из Небытия» (Даодэцзин, 40). Причем рождается оно непредсказуемо, каждый раз по-своему. Поэтому трудно вычислить, подвести под одну мерку, как в моноцентрической картине Парменида, правильный центр замкнутого шара.

Сосредоточенность на внешнем, видимом, без выхода к вечному, приводила к избытку, вражде, хотя мудрейший Гераклит уверял: «Тайная гармония лучше явной». Все движется, отрицая друг друга: идеи, формы, стили, – в поисках вечной Истины, в которую не верят. Для Лао-цзы в Невидимом Дао все уже есть, и все пребывает в гармонии. Одно не существует за счет другого, потому и называют Дао моральным Законом, высшей Справедливостью. Истина предсуществует, поэтому она постижима для пробужденного. «У великого Пути великое Дэ (дарование). Путь неясен, туманен, но в тумане, неясности есть Образы. Глубинное, темное, внутри – Семена (*Цзин* – тончайшая энергия). В этих Семенах – Истина (*Чжэнь*), Искренность (*Синь*). С древности и поныне имя его неизменно. Откуда это ясно? От Дао» (Даодэцзин, 21).

³⁶ Григорьева Т. П. Дао и Логос. Встреча культур. – М., 1992. – С. 3–420.

Илл. 18. Кацусика Хокусай (1760–1849). Мост

Если все уже существует в невидимой форме, то оно доступно просветленному, по Лао-цзы: «Достигнешь предельной Пустоты, утвердишься в Покое, и все будет само собой совершаться. Созерцай возвращение вещей к своему истоку. Возвращение к истоку назову Покоем – велением Неба. Следующий велению Неба – постоянен. Знающий Постоянство – просветлен. Не знающий Постоянства неведением творит злое (*сюн*). Знающий Постоянство – терпим. Терпимый – справедлив» (Даодэцзин, 16). В 55-м чжане Лао-цзы уточняет: «Постоянство – знание Равновесия (*Хэ*). Постоянство назову Просветленностью (*Мин*)».

Небесная программа определяет земную жизнь, но не абсолютно, а в зависимости от состояния человеческого Дао, оставляя свободу выбора. И буддийская *карма* не задана подобно зловещему *року* греков. Слово «карма» пишется иероглифом «дело», «делается». Она может быть отработана в устремлении духа к свободе, к Пустоте, понимаемой как незагруженность ума вторичными вещами. Буддисты изображали Пустоту в виде круга, разомкнутого в вечность. Принципиально разное отношение к Небытию я попыталась выразить

в символах Квадрата и Круга, первичных структурах сознания, обусловивших разные типы мышления и пути развития³⁷.

Обе парадигмы – квадрата и круга – возникли почти одновременно, примерно в VIII–III вв. до н. э. – в то самое «осевое время», которое, по Ясперсу, свидетельствует о глубинном родстве культур Востока и Запада, о «предустановленной гармонии» – по Лейбницу. «Одно Инь, одно Ян и есть вселенское Дао». Если не нарушается закон подвижного Равновесия (Хэ), то происходит обновление Неизменного. Если же нарушается Равновесие Инь-Ян, и они расходятся в разные стороны (как в 12-й гексаграмме «Ицзина» «Упадок»), то все приходит в разлад. Сдвоенное Ян превращается в стихию Огня – Мировой пожар, засуху. Сдвоенное Инь в стихию Воды – во Всемирный потоп, наводнения. Нарушение равновесия Инь-Ян мы наблюдаем в разбалансированности природы, в непредсказуемости климата, а результат этого – падение рождаемости, подорванное здоровье людей. И все это – дело рук человеческих, которые не ведают, что творят.

О «квадрате» свидетельствует и склонность греков к «четверке»: четыре первоэлемента – огонь, вода, земля, воздух; четыре основные науки – арифметика, геометрия, астрономия, гармоника; в отличие, скажем, от пяти у даосов и шести – у буддистов, включая сознание. Законодателем же у греков остается *человек*, предложивший миру свой план развития. Квадрат как замкнутая система давал возможность не отвлекаться на потустороннее, позволял сконцентрировать энергию на видимом мире и добиться успехов в науке и искусстве. И вряд ли это было случайным, не соответствующим Небесному Пути или великому Дао. Иначе прошел бы восторг человечества перед греческой философией и греческим искусством.

---

³⁷ Григорьева Т. П. Квадратура круга (парадигма квадрата) // Дельфис. – 2002. – № 3–4.

Илл. 19. Сад Императорского дворца, Киото

Но все хорошо до поры до времени. Антропоцентризм не только придал человеку силы, но он же и истощил их, как истощает себя часть, возмнившая себя Целым. В сущности, антропоцентризм и есть первородный грех, гордыня, затмившая разум. Полагаясь на себя, человек превзошел Мэру, закон Великого Предела. Ощувив себя не только «богоравными», но и «вольнотпущенниками природы», люди утратили опору в Бытии. Блаженный Августин предвидел: «Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчиво

шаткий» (Исповедь Блаженного Августина, 13, 20, 28). Грех подменять Целое частью, Бога – человеком, лишая Свободы, Им предустановленной. Никакая часть не заменит Целого, и всякая часть, посягнувшая на полноту, теряет себя по причине неправды.

Квадрат оказался конечным. Он допустим как функция: его не существует в Природе и в природе самого человека, а всякая искусственная форма – невечна, она сходит, выполнив свое назначение. В начале XX века Квадрат, не имея опоры, породил аномалии в искусстве (кубизм, футуризм, словом – авангардизм) и закончил себя «Черным квадратом», абсолютной немотой. Его создатель, Казимир Малевич, ощущал «нулевость», отсутствие определенности: «Если кто-то познал абсолют, познал ноль». Эти слова – из манифеста Малевича «Супрематическое зеркало» 1923 года. Это был перелом в сознании, но не прорыв, хотя в нем была великая надежда: «В человечестве образован полюс единства, к нему сойдутся все культуры радиусов», – писал Малевич в работе «О новых системах в искусстве».

Но надежда Малевича не оправдалась: «Нет бытия ни во мне, ни вне меня, ничто ничего изменить не может, так как нет того, что могло бы быть изменяемо», – писал он в своем манифесте, признавая, что Ноль побежден архетипом «ничто», меоном и коварством Времени. В наши дни теперь всегда побеждают деньги, и никаких метафизических терзаний! Михаил Швыдкой приобрел «Черный квадрат» Малевича за миллион долларов для Эрмитажа – по непонятным мотивам. И это сейчас тем более странно, что само понятие *Квадрат* уже утратило свой положительный смысл, не выдержав испытания квадратными концлагерями. Ныне с презрением говорят о «квадратном мышлении», до предела зажатом. Василий Аксенов писал в «Асфальтовой оранжерее»: «Не пройдет и года, как „квадраты" в полицейской форме будут избивать „неквадратный народ" и в Париже, и в Чикаго, и в других местах мира». На английском сленге словом *square* называют безропотное, послушное большинство, как у нас «шестерок».

В основе восточной мысли лежала Беспредельность (Великий Предел – Тайцзи, вселенский зародыш): Ничто, Ноль, понимаемый как полнота непроявленного мира. «Дао – ноль бродит в царстве Великого нуля; гнездится в пустоте, Дао – середина (точка) без измерений, без формы, без постоянств»³⁸. Сравним с идеей Аристотеля: «Нелепо считать пустотой точку: она должна быть местом, в котором имеется протяжение осязаемого тела» (Физика, 4, 7). Для Аристотеля точка – начало линии. Индийский писатель точно уловил разницу: определенность, единица рождает последующий ряд чисел, линейную логику. Последующая часть обусловлена предыдущей, и все части – звенья одной цепи. Одно следует за другим, конструируя свой мир, «вторую природу», которая все больше отдаляется от первой, превращаясь в «вербальную реальность», развивающуюся по своим законам.

Однонаправленное движение, набирая скорость, приводит к накоплению идей, вещей, информации. Казалось бы, что в этом плохого? Но качество жизни переходит в чистое количество³⁹. И это гораздо опаснее, чем может показаться на первый взгляд. Количество тем и отличается от качества, что ни за что не отвечает, чистый соблазн. Высший Разум не зависит от накопления информации. Массовое сознание меняет природу человека, профанирует все, что попадает в его поле: литературу, искусство, музыку, человеческие отношения. Избыточность провоцирует кризис цивилизации и культуры – эта идея стала чуть ли не сквозной темой многих конференций. Когда качество переходит в количество, переворачиваются все ценности: нет ничего святого, а значит, все дозволено – меон в чистом виде. И сколько бы ни ратовали люди за свободу слова, ее не может быть в перевернутом мире.

³⁸ Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). – Пг., 1916. – С. 455–456.

³⁹ Рене Генон в своей книге (Генон Р. Царство количества и знамения времени. – М., 1994. – С. 41, 58, 71, 116), в частности, пишет о «количественной психологии», приведшей к «уравниванию всего по низу», к единообразию вместо единства; к «сатанинской» пародии на единство – к «глулости» нашей эпохи, к «отвердению мира».

Так, с постоянными сбоями, шло развитие цивилизации на Западе. На Востоке же замедленный ритм жизни производил впечатление полного затишья, штиля, но движение шло на глубине. Еле заметные волны то появлялись из Небытия, то возвращались на глубину, чтобы не прерывалась связь Земли с Небом. Разные картины мира породили разные ритмы, масштабы, разные методы познания: логически доказуемое, исчисляемое в опыте считают истиной, пусть относительной, другие считали относительные истины пустым занятием, в лучшем случае – условным знанием (*виджняна*), третьи полагались на спонтанность, интуицию: невозможно объять необъятное, четвертые считали, что явленное не может исчерпать неявленное, истинно-сущее. Но в процессе сосредоточенности проясняется сознание, пробуждается Всезнание – *Праджня*, или безусловное знание.

Тип мышления обусловил законы искусства и ритмы истории. Одни предпочли Действие – Ян, другие Недеяние – Инь: зачем действовать наперекор, если все уже существует в лучшем виде? По словам Плотина, «кому не под силу думать, тот действует». Изначальна Гармония, а не Хаос, который нужно переделывать. Если Гармония изначально, нужно искать ее на глубине, в «душе вещей». Одни искали Свободу во внешнем мире и попадали каждый раз в зависимость от того, что искали, – всякая неполнота стремится заполнить свой недостаток. Другие, полагая, что в иллюзорном мире все иллюзорно, и свобода в том числе, искали ее, удаляясь от мира, – в прямом и переносном смысле. Они не только становились отшельниками, странствовали, но и сокращали пространство до точки, время – до мгновения. Ощущая в миге вечность, не зависели от времени (таково искусство японцев).

Устремленность к внутренней свободе естественно вытекала из ощущения полноты Небытия, проявлявшего себя каждый раз по-новому, – неожиданно, мгновенно (*мэдзура-сий*). Душа вещей резонировала на душу взыскующего. Причина стремления к внутренней свободе заключается и в отсутствии свободы внешней, в системе строгой субординации, регламентации поведения, образа жизни. Это противоречие между стремлением к внутренней свободе при внешней несвободе нередко оборачивалось трагически для мастеров чайной церемонии и для поэтов прежних времен, которых могли казнить, в лучшем случае – сослать на отдаленный остров.

В России высокая философия не приняла ни западного прагматизма, ни идеи сверхчеловека, самозамкнутого эго. Владимир Соловьев понимал Всеединство как «индивидуализацию любви». Евгений Трубецкой писал, повторим его слова: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя». И не спорит с Ницше, а страдает ему Владимир Эрн: «Над Европой восстала трагическая фигура Фридриха Ницше. Магистраль исторического развития всегда идет через *гениев*... В нем творит, вздыхает и болеет душа мира. Болезнь гения. свидетельствует, что самые истоки, от которых все мы пьем, поражены недугом. Безумие Ницше *обосновано* всей историей новой философии. Основной принцип этой философии *ratio* в корне своем поражен болезнью дурной отвлеченности.

Минуя действительность, *ratio* с необходимостью вовлекается дурной своей логикой в пустой схематизм. Философия становится абсолютно внежизненной. Гносеологический дуализм принимает небывалые абсолютные формы.

И этот дуализм *коррелятивен* с безумием Ницше»⁴⁰.

Мало кто из русских философов той поры не согласился бы с Эрном. Но не в этом ли метафизическая причина их преждевременного ухода из жизни или выдворения из России? Мыслить было опасно: истреблялась именно мысль, рожденная нравственным чувством. Без высокой мысли России не совершить тот духовный прорыв, в который верили не только Шпенглер или Вивекананда.

⁴⁰ Эрн В. Ф. Борьба за Логос. – С. 339–340.

Илл. 20. Павел Флоренский

Но не зря говорят: чему быть, тому не миновать (тому, что думает Бог в вечности). Павел Флоренский прозревал в индивидуальном, единичном путь к единству. В заточении, с Соловков, писал он сыну Кириллу (в феврале 1937 года): «Что я делал всю жизнь? – Рассматривал мир как единое целое, как единую картину и реальность, но в каждый момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и старался понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему признаку»⁴¹. Не удивительно, что «точка» для Флоренского – не начало линии, а символ Единого. В точке все сходится: пустота и полнота, свет и тьма, мир видимый и невидимый (она есть и не есть одновременно), соединение единицы и нуля. Прямая же линия, по Флоренскому, – это машина для уничтожения реальности. Не линия состоит из точек, а точки составляют линию, и лишь восходящая вертикаль обуславливает пространственный синтез⁴².

Из сферы внешнего мысль проникала в сферу внутреннего, внутренне центрированного, – от количественного измерения к качественному. «Квадратные» почували в этом стремление к свободе и запретили «Словарь символов» со статьей Флоренского. Но интерес к

---

⁴¹ «Литературная газета» от 30 ноября 1989.

⁴² Статья Павла Флоренского «Точка», предназначенная для «Словаря символов» появилась много позже в «Памятниках культуры» (М., 1982).

сакральной «точке», микромиру, где совершается акт творения, не мог уже исчезнуть, знаменуя переход от мертвой схемы к Жизни.

Илл. 21. Константин Циолковский

Чему быть, тому не миновать: явились русские космисты. Константин Циолковский размышляет о Нирване, изучает санскрит. «Нулевые ощущения также бесконечно разнообразны. В идеальном виде это есть небытие. Не смерть, а именно – небытие. Но есть ли жизнь только взбаламученный ноль»⁴³, – пишет он. Для Циолковского преисполнено смысла каждое мгновение, каждый атом: «Ни один атом вселенной не избегнет ощущений высшей разумной жизни. Если космос имеет причину, то и причине этой мы должны приписать такие же свойства – всеобщей любви. Причина создала вселенную, чтобы доставить атомам ничем не помраченное счастье. Она поэтому добра. Значит, мы не можем ждать от нее ничего худого»⁴⁴. Ну а поэт Николай Гумилев скажет: «Мы не решились бы заставить атом покло-

---

⁴³ Циолковский К.Э. Нирвана. – Калуга, 1914. – С. 1, 5.

⁴⁴ Циолковский К. Э. Воля вселенной. Неизвестные разумные силы. – Калуга, 1928–1930. – С. 6–7, 30.

няться Богу, если бы это не было в его природе». Какой же всемирный грех взяли на себя те, кто решился расщепить божественный атом, ген Жизни!

Гений Льва Толстого проник в суть Перемен, поверив в расширение сознания: «Нет ни материального, ни духовного, а есть только мое прохождение через пределы вечного, бесконечного, которое есть Все само по себе и вместе с тем Ничто (Нирвана). Освобождение – в самоотречении. Освобождение – в углублении духа в единое истинное бытие, оно же есть Брама – Атман, основа всякого бытия и истинная сущность человеческого духа. Брама есть свойственное человеку истинное Я, сущий во мраке телесного Атман, Единое, Целое, Вечное. Человеческое Я есть земное воплощение Атмана, земное проявление его»⁴⁵. Лев Толстой говорит о том, что мы существовали прежде этой жизни, хотя и забыли об этом. Лейбниц называл «вечную часть нашей нравственной природы» монадой, Гете – энтелехией. Но, в сущности, одна есть религия – «это та, что одно во всех. „Tat twam asi“ – „Кто ты?“ – „Я есмь ты“»⁴⁶. Не случайно Лев Толстой является одним из любимых писателей в Японии. По признанию Като Наоки, мало найдется духовных вождей в его стране среди христиан, буддистов, которые не обязаны были бы своим вдохновением графу Толстому.

Не меньший интерес Лев Толстой проявлял к учениям китайских мудрецов – Лао-цзы и Конфуция, вникая в «Даодэцзин» и «Великое Учение» и соглашаясь с тем, что совершенствование человека есть начало всего; что следование своей природе есть истинный Путь человека. Он принял истину Срединного Пути: «Внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния. Путь неба и земли может быть выражен в одном изречении: „В них нет двойственности, и потому они производят вещи непостижимым образом“»⁴⁷.

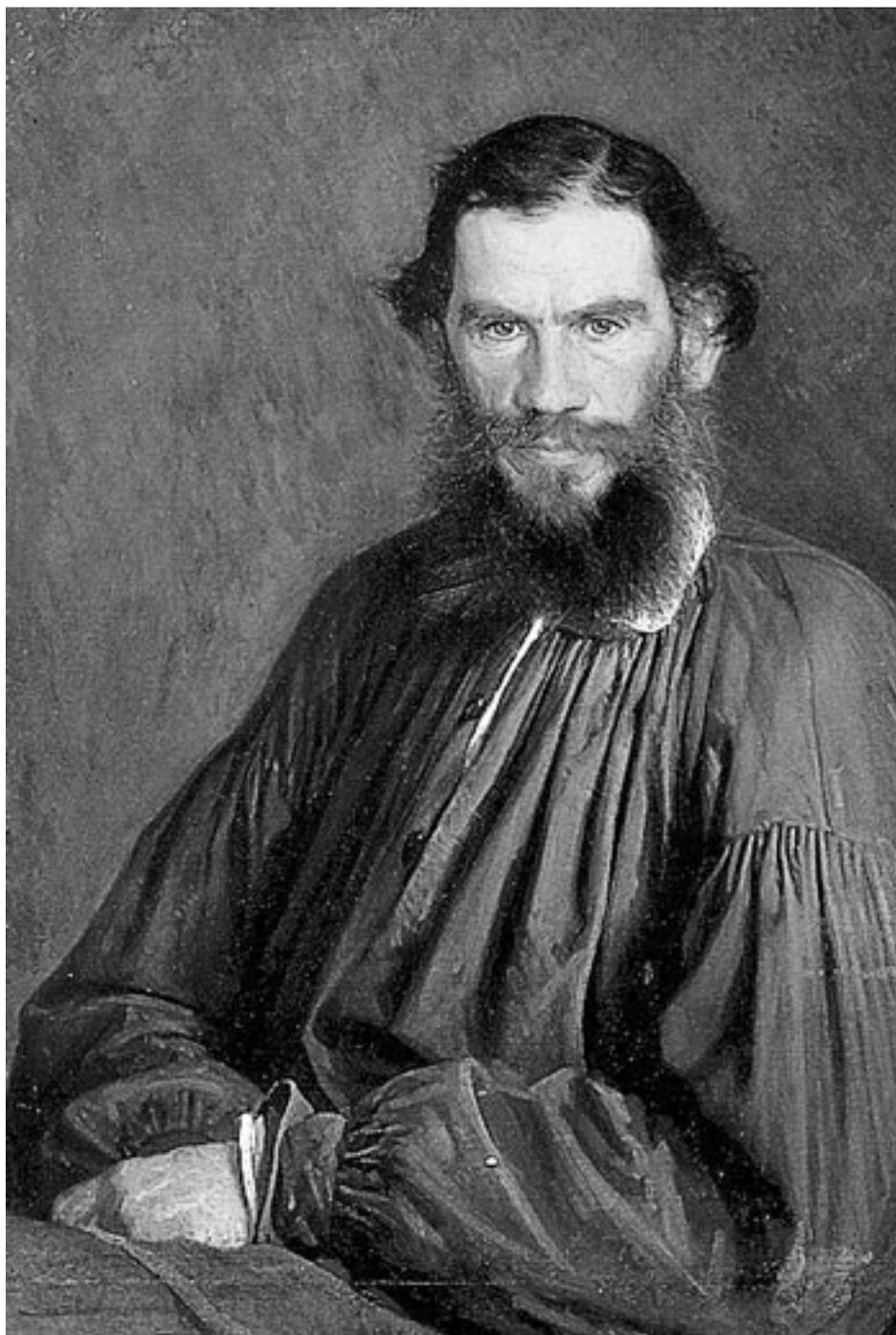
Не потому ли Лев Толстой остался верен Христу, Его учению о Срединности? В статье «В чем моя вера?» он пишет: «Место, которое было для меня ключом всего, было место из V гл. Мф, ст. 39: „Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А Я вам говорю: не противься злему“. Я вдруг первый раз понял этот стих прямо и просто. Мы устроили всю свою жизнь на тех самых основах, которые Он отрицает, не хотим понять Его учения в его простом и прямом смысле. А так как учение Христа отрицает всю эту жизнь, то из учения Христа не берется ничего, кроме слов».

---

⁴⁵ Цит. по: Бунин И. А. – Собр. соч. – Т. 9. – М., 1967. – С. 50.

⁴⁶ Цит. по: Фег А. А. – Соч. – Т. 2, – М., 1982, – С. 279.

⁴⁷ Цит. по: Буланже П. А. Жизнь и учение Конфуция. – М., 1903. – С. 36–38.

Илл. 22. Лев Толстой

Для Льва Толстого мерило всего – совесть, голос духа. Он хочет, чтобы люди осознали ясно, кто они, осознали то, чему учили все мудрецы мира и чему учит Христос: в каждом человеке живет свободный, один и тот же во всех, вечный, всемогущий дух, сын Божий. «Человек не может ни властвовать, ни подчиняться, ибо проявление этого духа одно – *любовь*. Сознай это люди (а люди уже готовы к этому сознанию) и поступай согласно с этим». И уничтожатся все затруднения «не только в христианском мире, но и во всем человечестве»⁴⁸.

---

⁴⁸ Толстой Л. Н. О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии // Толстовский листок. – 1995. – № 5. – С. 134.

Не случаен интерес к нравственной проблеме «нуля» и Владимира Ивановича Вернадского. Понятия нуля не было в эллинской науке. В Западной Европе о нем узнали в XI–XII веках. Археологические находки свидетельствуют о том, что около 3000 лет до н. э. ноль был известен в доарийской цивилизации Мохенджодаро в бассейне Инда. Но понятие нуля «совершенно не захватило пытлившую мысль греков и на Западе Европы вошло в жизнь в Средние века через арабов и индусов»⁴⁹.

Психологически это объяснимо предубеждением против пустоты, покоя в древней установке сознания, которую Эрих Фромм определил, как «быть, чтобы иметь». Даосы и конфуцианцы, как и христиане, не считали возможным ставить себя в зависимость от вещей, а стремление к обретению материального считали пороком. Что уж говорить о японцах с их установкой на минимализм: ничего лишнего ни в искусстве, ни в быту. Не поработать себя внешним, видимым, ибо Истина – в глубине вещей: в этом суть поэзии хайку и всего искусства Дзэн.

Илл. 23. Александр Блок

И вновь мысль возвращается к Николаю Бердяеву, который верил, что философия, преодолев рационализм, соединится с религиозной жизнью. Он связывал свободу с возрожде-

---

⁴⁹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. – Кн. 2: Научная мысль как планетарное явление. – М., 1977. – С. 45, 48.

нием культуры: «Цивилизация возникла как средство, но была превращена в цель. Культура есть средство для духовного восхождения человека, но она превратилась в самоцель, подавляющую творческую свободу человека»⁵⁰. Однако Бердяев не терял веру в человека, говоря в «Самопознании», что Истина была для него Богом, но истина может вочеловечиться. И повторил свою мысль: «В результате долгого духовного и умственного пути я с особенной остротой осознал, что всякая человеческая личность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный *центр* и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на обладание универсальным содержанием жизни»⁵¹.

Неизбывно то, что таится в памяти культуры, оно не исчезает, а лишь уходит на глубину в трудные времена. Оставшийся в революционной России Блок думал о «Возмездии». Мировой водоворот засасывает в воронку почти всего человека – от личности не остается следа. Но семя брошено, и растет новое, более упорное поколение. Таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, начинает сам творить возмездие. Вся эта концепция, признается Блок, возникла под давлением растущей ненависти к различным теориям прогресса. И чем больше поэт сторонился надуманных идей, тем больше приближался к человеку: «Сотри случайные черты – // И ты увидишь: мир прекрасен». (Поэма «Возмездие» была написана Блоком в 1919-м, а опубликована в 1922 году.)

---

⁵⁰ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). – Париж, 1939. – С. 109.

⁵¹ Там же. – С. 11.

Японцы и русские

Почему в книге о Японии я то и дело обращаюсь к России? Не только потому, что несу ее в себе – ее силу и слабость, а потому, что нахожу между нашими народами нечто общее. Мне уже приходилось писать об этом – в статье «Японцы и русские (попытка психоанализа)»⁵². Действительно, что-то глубинное роднит нас: некая женственность, мечтательность, скорее доверие интуиции, чем рацио. Открытость другому, но по-разному: японцы, знакомясь с другими, не забывают себя, свою японскую душу – *Ямато Дамасий*, веря в Неизменное в Изменчивом (об этом пойдет речь ниже). Русские, напротив, ни в чем не знают меры, готовы отказаться от себя, забывают свои корни, увидев другое. Не отсюда ли при духовном родстве – разительный контраст в образе жизни? Не по причине ли забвения, неумения русских оглядываться назад, в отличие от японцев, которые в этом преуспели?

Русским есть чему поучиться у японцев – например, памяти сердца, дисциплине ума. И есть на что положиться. Не один Памфил Данилович Юркевич (1826–1874), учитель Владимира Соловьева, считал сердце глубочайшей духовно-нравственной основой человека: «не древо познания есть древо жизни»; целостная душа рождает знание: ум есть вершина, а не корень духовной жизни человека⁵³. О том же писал Евгений Трубецкой – о святом просвещении России, ее Путь – Путь духовидцев. В течение веков в мире царствовал ад – в форме роковой необходимости смерти и убийства, пока не явились духовидцы, познавшие собор всей твари как грядущий мир вселенной, «объемлющий ангелов и человек и всякое дыхание земное, – такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства»⁵⁴. И возвращается к этой мысли в очерке «Россия в ее иконе» (1917). Подвигом св. Сергия Радонежского Россия сподобилась той высоты святого просвещения, которого не было в других странах, раньше принявших христианство. Страна, где были явлены такие светильники, уже не нуждается в иноземных учителях веры.

Свои мысли святые России выражали не столько в слове, сколько в красках. Писали сердцем. Не оттого ли русская иконопись, достигшая расцвета в XV веке, согрета чуждой грекам теплотой чувств? Евгений Трубецкой переживает утрату духовной высоты в современной ему церковной архитектуре: «В этом ужасающем сходстве новейших церковных глав с предметами домашней утвари отражается то беспросветное духовное мещанство, которое надвинулось на современный мир. Все в нем говорит только о здешнем, все выражает необычайно плоскостное и плоское мироощущение»⁵⁵. Потому и называют такое сознание плоскостным и несчастным.

Ощущение внутренней красоты в русской иконе пленяет японцев, для которых Красота есть Истина. Красота – вне слов, потому и спасает; вульгарность же, величайший из пороков, разрушает душу. Потому и находят японцы на взлете русской культуры что-то созвучное, близкое себе, что-то, в чем сами нуждаются. Может быть – обостренное чувство жалости, сострадания (которое, кстати, мало согласуется с дисциплиной ума)? Потаенная вера в Красоту, спасающую мир, в русских, по понятным причинам, притупилась, но исчезнуть совсем не может, ибо она – в их крови (если, конечно, не обескровят народ). Потому, думая о японцах, я вспоминаю русских, и наоборот. Это происходит со мной помимо моей воли, подсознательно, а потому – не случайно.

---

⁵² Григорьева Т. П. Японцы и русские (попытка психоанализа) // Духовные истоки Японии. – М., 1995. – С. 315–364.

⁵³ Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Труды Киевской Духовной Академии. – Кн. 1. – Отд. 2. – Киев, 1860.

⁵⁴ Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. – С. 20.

⁵⁵ Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконе. – М., 1916. – С. 106.

Однако вернемся к анализу современного ума, обескураженного потребительской цивилизацией. Лучшие умы Запада взбунтовались против «тирании целого», имея в виду «тиранию части» – вторичную природу, техногенную цивилизацию. «Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось»⁵⁶. В этих словах Жана-Поля Сартра все сказано – в частности и то, какой страх до сих пор вызывает Ничто, основа основ восточного ума, – непроявленная полнота сущего. В этом причина тотального противостояния, в том числе культуры и цивилизации, поглощения одного другим.

Вспомним, что писал Карл Ясперс о превращении общества в «одну большую машину» с человеком в роли сырья. Это – расплата за антропоцентризм, уходящий в далекие времена греческого видения:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира.
Через меня открыто, что будет,
Было и есть, через меня
Согласуются песни и струны.

Овидий. «Метаморфозы»

Нет, казалось бы, в приведенных стихах Овидия ничего противоестественного, никакой неправды, кроме того, что несовершенный человек вознесен до «богоравного» (Сапфо). Как и в «Антигоне» Софокла: «В мире много сил великих, // Но сильнее человека нету никого». Это и устрасило св. Августина: «Душа в своих грехах, в гордой, извращенной и, так сказать, рабской свободе стремится уподобиться Богу. Так и прародителей наших оказалось возможным склонить на грех только словами: „будьте, как боги“» (Св. Августин. О Троице, 11, 5–8). Бог привел все к единому порядку; этот порядок делает из мира единое целое. Эту целостность человек разрывает, предпочтя ей из личной гордости и личных симпатий одну часть, «мнимое единство». Он таким образом ставит часть выше целого, достоинством, принадлежащим целому, он облакает часть («Исповедь» Блаженного Августина, 3, 8).

И до сих пор «мнимое единство» довлеет над умами, сводя все к множеству, количеству, перекрывая путь к Свободе. Но вне свободы ничто состояться не может, как вне Целого ничто не может найти себя. Отсюда и возмущение «тиранией целого», которое целым не является. Оттого ни одна великая идея не могла осуществиться при господствующем типе сознания – ни идея свободы, ни идея равенства, ибо не могут быть свободными части. Одна часть зависит от другой, вышестоящей, и так до бесконечности. Все дробится, если торжествует психология части: претендуя на целостность, она становится агрессивной. Проницательный ум Бердяева был потрясен этим процессом: «Исчезает человек как целостное существо внутренне центрированное. Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное знание жизни»⁵⁷.

В наше время мало кто из мыслящих не говорит о катастрофе, уготованной техногенной цивилизацией, которую и Арнолд Тойнби, и японские публицисты называли «дьявольской». Первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи начал священный поход за возвращение человеку его качеств: в истории еще не было периода, когда люди смотрели бы в будущее с такой тревогой. Тревога возрастает в докладах Денниса Медоуза «Пределы

---

⁵⁶ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто (1966). Цит. по: Человек и его ценности. – М., 1988. – С. 67.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 327.

роста», «За пределами роста». В них дается неутешительный прогноз: в XXI веке нарушится энергетический баланс, усилится белковый дефицит, загрязнение атмосферы, что может вызвать планетарную катастрофу.

На конференции «Культура в эпоху цивилизационного слома» говорилось о разрушении оснований общества цивилизации как особой исторической системы. Но слом, по мнению Э. В. Сайко, не означает гибели системы: в ней формируются принципиально новые структуры. На этой конференции звучали мысли о «конце истории», о том, что мир переживает ситуацию тотального упадка, в духе Содома и Гоморры – символа моральной развращенности. «Но этот же период стал „осевым“, поворотным пунктом, обозначавшим Великое разделение между Пороком и Добродетелью» – не теряет надежды Б. С. Брасов⁵⁸. А. А. Пелипенко верит в трансформацию Бога в Культуру. Потому и пишет слово Культура с заглавной буквы, предлагая *самообуздание интеллекта*: «Это означает, разумеется, не выстраивание искусственных рубежей познания, а отказ от *рефлексивно-аналитическо-отчуждающих процедур познающего сознания за пределы самой природы этого сознания*»⁵⁹.

Редко кто не упрекает техногенную цивилизацию: техника властвует, подчинила человека ему на погибель, как и предсказывал в IV веке до н. э. даос Чжуан-цзы. «Тот, кто применяет машину, начинает действовать механически. Кто действует механически, у того сердце становится механическим. У кого сердце становится механическим, утрачивает целостность простоты. Кто утратил целостность простоты, лишается разума. Кто лишается разума, того не поддерживает Путь» (Чжуан-цзы, глава 12 «Небо и Земля»). Кого не поддерживает Путь, тот не нужен никому, в том числе и самому себе; теряя опору, он выпадает из Бытия. На языке Бердяева: «Человек, не пожелавший быть образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины»⁶⁰. Так что дело не в машине, а в поработанном сознании, которое найдет чему покориться, не имея опоры в себе. Техногенная цивилизация держится на механической власти, уподобляя человека «животному, производящему орудия» (по выражению Бенджамина Франклина). Из цели человек превратился в средство обогащения, в «призрак машины».

Значит, техника тут ни при чем – все дело в человеке. Не совершенен сам человек, если он позволяет манипулировать собой. К технике же отношение разное: Ясперс называет ее демонической силой, поработившей человека, для Хайдеггера техника – единственное, что обеспечивает место новоевропейскому человеку в бытии, а в слиянии техники с искусством он видит залог величия человека. Так или иначе, технику называют судьбой современного человека. Все дело в Пути Соответствия, чтобы техника служила человеку, а не наоборот.

Не удивительно, что писатели и философы заговорили о «большом бытии», о «несчастном сознании» (Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр), об «ужасе истории» (М. Элиаде). И самое страшное – о привыкании к этому ужасу и даже уповании на него, судя по садо-мазохистскому характеру массовой квазикультуры. Ученые бьют в набат: если люди не научатся думать по-новому, их ждет неминуемая гибель. Более полувека назад послан сигнал бедствия – «Манифест Рассела-Эйнштейна». Но с тех пор мало что изменилось, а если и изменилось, то не в лучшую сторону (судя, в частности, по тревожным докладам Римского клуба). Уже многие говорят о необходимости нового мышления, но как бы со старых позиций. Мышление не может измениться, если не изменится человек. И все это уже было сказано мудрецами – где-то и когда-то; нам остается «припомнить». Разнятся лишь слова, а цель одна – спасение человека, спасение от самого себя.

---

⁵⁸ Брасов Б. С. Культура в ситуации цивилизационного слома // Культура в эпоху цивилизационного слома: Материалы конф. / РАН. – М., 2001. – С. 91.

⁵⁹ Там же. – С. 181.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – С. 324.

Илл. 24

Илл. 25

Илл. 26

Илл. 27

Илл. 28

Илл. 24–28. На улицах современного Токио

Может быть, не случайно пронизательные умы обращаются к восточным учениям, возлагая надежды на Путь – Дао? Суть Дао – в подвижном Равновесии: «Одно Инь, одно Ян и есть Путь». В нашей ситуации это означает, что нельзя часть или половину вселенского Знания принимать за Целое. Половина, занявшая место Целого, начинает саморазрушаться как односторонность. Всякая замкнутая система подвержена энтропии, отсюда стремление вырваться из замкнутого круга – если не осмысление, то инстинктивное доверие к синергетике, понятия которой постепенно входят в сознание. В поисках логики Целого научная мысль обращается к Востоку. И это не означает, что какая-то из сторон пошла ошибочным путем. Это означает, что настало время для взаимодействия двух половин единого Знания.

Восток не менее заинтересован в западной науке, чем западная – в восточной. Дао не знает подобий: нет Инь без Ян и Ян без Инь, что осознали великие физики, как Нильс Бор, проникший в тайну Великого Предела. В системе классической физики наблюдатель отделен от наблюдаемого, субъект от объекта, что, раздваивая сущее, искажало истинную картину мира. «В поисках параллели к вытекающему из атомной теории уроку. мы должны обратиться к совсем другим областям науки, например, к психологии или даже к особому рода философским проблемам; это те проблемы, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао-цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и действующих лиц в великой драме существования»⁶¹. Обнаружив, что корпускула и волна – одновременные свойства света, Нильс Бор ввел понятие дополнительности, которое, по сути, универсально, как универсальна дополнительность Инь-Ян.

⁶¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М., 1961. – С. 35.

Речь идет о логике нового типа, которую можно назвать логикой непротиворечивости или логикой Целого. После возвращения из Китая Нильс Бор сделал своим гербом Тайцзи – Великий Предел, сопроводив его латинским изречением «*Contraria sunt complementa*» – «Противоположности дополняют друг друга». Тайцзи символизируют две полуизогнутые половины круга, на темной – светлая точка Ян, на светлой – темная точка Инь, что говорит об их присутствии друг в друге. Они взаимодействуют на любом уровне: на уровне клетки и галактики, в самом человеке – актере и зрителе одновременно. Когда-то развитие науки предполагало разделение на субъект и объект: чтобы нечто исследовать, нужно иметь его перед собой. Но по закону Великого Предела наступает момент, когда нужно повернуть обратно, чтобы не впасть в односторонность. Само движение двуедино, идет туда-обратно (*шунь-ни*, по принципу электрического тока), благодаря чему и приближается к изначально Единому. Субъект тогда избегнет участи объекта, когда перестанет противостоять ему.

Илл. 29. Символ Тайцзи. Соединение двух начал – Инь и Ян

На Востоке верили, что едина, вездесуща природа Будды, о чем пишет японский ученый Уэда Есифуми в очерке «Индивидуум в буддизме Махаяны». Все школы Махаяны признают первичной Реальностью «Тело Дхармы» (*Цхарма-кая*), что недоступно западной логике аристотелевского типа. По моему мнению, к «Телу Дхармы» скорее всего вообще неприменимо понятие «логика». Несомненно, что центральная проблема буддийской философии – это подлинное Я, которое реализуется в личном, неповторимом опыте, в особом состоянии ума. «Ошибочно думать, что можно познать себя в процессе саморефлексии: то Я, которое доступно рефлексии, сконструировано умом», то есть не есть истинное Я. Цель буддизма – узнать реально существующий субъект, не исходя из своих представлений о мире. Подлинное Я обнаруживается тогда, когда приходит ощущение, что познающий и познаваемое суть одно. Истинное Я раскрывается в опыте неразличения субъекта и объекта, в состоянии «глубинной мудрости» (*мула-джняна*) или *Праджни*, которая и есть реализация подлинного Я. Пробуждается не только истинное Я, но и все в этом мире предстает в своем подлинном виде. Познать себя – значит познать все сущее как оно есть.

Уэда Есифуми ссылается на Догэна, дзэнского мастера XIII века: «Познать Будду – значит познать себя. Познать себя – значит забыть себя. Забыть себя – значит стать единым со всеми дхармами».

Иначе говоря, существует «только-субъект» (*виджняна-матра*) и не существует объекта. Но «только-субъект» есть «не-субъект» (*анатман* – «не-я»; *ачитта* – «не-мыслие»). «Только-объект» значит, что нет субъекта, противостоящего объекту. Это означает не что

иное, как свободу от всего субъективного, частичного: видеть вещи, как есть. «Только-субъект», или «не-я», и есть истинное Я, которое осознает себя и одновременно весь мир в его подлинном виде («только-объект»). Познавший себя познает все – *Татхату* (истинную природу), что означает то же, что Пустота – *Шуньята, Дхармата* – вещи в их подлинном виде. Синонимы Татхаты и есть «только-субъект», «только-сознание».

В буддийской философии, продолжает Уэда Есифуми, отношение между миром и индивидуумом осознается как «Одно во всем и все в Одном», то есть одно идентично многому, а многое – одному. Все различно и одновременно едино. «Мир существует не только как объект, наблюдаемый индивидуумом, но как нечто творимое каждым индивидом в процессе жизни. Индивид не просто зритель, но и актер. (Почти буквальное совпадение с тезисом Нильса Бора! – Т. Г.) Индивид и мир взаимно создают друг друга».

Насколько этот тип отношений укоренен в сознании, позволяют судить рассуждения мудреца древнего Китая Фацаня (643–712): «В том случае, когда один представляет всех, соответственно каждый индивид есть центр Вселенной. Когда индивид А – господин, все остальные индивиды и Природа, то есть весь мир, – его вассалы. В то же время А – вассал по отношению к В и С, то есть каждый индивид одновременно господин и вассал. Один идентичен многим и многие – одному. Мир творится каждым существом. Индивидуум и мир взаимно создают друг друга. Но если многие соединяются в одном, значит, каждый индивид есть центр Вселенной»⁶².

Не отдавая себе отчета в том, насколько эта модель (сингулярность) вошла в сознание японцев, невозможно понять ни их искусство, ни их отношение к миру и человеку. Суть этого отношения можно передать словами праведного Сео, учителя Сингаку («Учение о Сердце»): «Если у Вселенной одно сердце, значит каждое сердце – Вселенная». Нет в Природе того, что не имело бы своего сердца – *когоро*. Не только сердце возлюбленной, но и «сердце весны», «сердце осени» вдохновляет поэтов. Все имеет свою душу, все перекликается друг с другом без слов.

Наши размышления о буддийской логике помогут понять суть нового мышления, без которого у человечества нет будущего. Развиваясь или самоорганизуясь (как принято теперь говорить), мышление, по закону Эволюции, самоосуществляется. Буддисты называют это Праджней, высшим состоянием сознания, которое сродни божественной Любви. Праджня изначально присуща каждому и ждет просветления ума. В нашем понимании это близко Ноосфере – высшему Разуму, Нусу или космическому сознанию. Праджни – Мудрости нет без *Каруны* – Сострадания, так же как Сострадания нет без Мудрости. Они едины, две стороны одного. По существу, это самая кардинальная проблема Человека. Ум напрямую связан с Моралью, не прописанной, а заданной изначально, присущей природе вещей. Чем меньше морали, тем меньше ума. Отпавший от сердца убывающий ум превращает жизнь в ад. Теперь и на телевидении стали говорить о всеобщем поглупении людей вследствие утраты нравственности, чему, кстати, немало способствуют своей невзыскательностью и передаче самого ТВ.

До тех пор, пока не изменится сознание, горизонталь так и будет господствовать в мире, не оставляя простора для индивидуального, в конце концов свернется в петлю. Отсюда – бунт против линии, против одномерного мышления. Русские философы говорили о «прерывности», о сингулярном сознании. Каждая точка соединяется с вечностью по вертикали, что делает ее бесконечной. У Николая Бердяева, не знакомого с Дзэн, – то же видение вертикальной оси, соединяющей точку с высшим Бытием, как его ни назови: Богом, Логосом или Великим Дао: «Все в Одном, Одно во всем».

---

⁶² Ueda Yoshifumi. The Status of the Individual in Mahayana Buddhist Philosophy. – The Japan Mind. Honolulu, 1981. – P. 169–170.

Илл. 30. Иероглифическая надпись «Нет Дхармы, кроме сердца»

Карл Густав Юнг, величайший из психологов, изучал Восток и проник в суть его мышления. «То, что мы называем случайностью, для мышления китайцев, судя по всему, является главным принципом, а то, что мы превозносим как причинность, не имеет никакого значения... Их, видимо, интересует сама конфигурация случайных событий в момент наблюдения, а вовсе не гипотетические причины, которые якобы обусловили случайность. В то время как западное мышление тщательно взвешивает, анализирует, изолирует, классифицирует, китайская картина мгновенно все сводит к одной детали, ибо все ингредиенты и составляют наблюдаемый момент. Этот принцип я назвал синхронностью. и он диаметрально противоположен нашей причинности. Древние китайцы смотрели на космос, как современный физик, который не может отрицать, что его модель мира есть не что иное, как психофизическая структура»⁶³.

Русские философы самостоятельно пришли к ощущению Единого в единичном, точки как микромира, проникая в тайну бытия. В своей ранней работе «София» Владимир Соловьев писал о том, что великий закон в том и состоит, что универсальность одного существа всегда находится в прямой связи с его индивидуальностью. Чем более существо индивидуально, тем более оно универсально, и это относится не только к отдельному человеку, но к нации и к государству. Индивидуальное есть окно в вечность, прорыв в сознании.

О необходимости прорыва сквозь дурную бесконечность (буддисты называют ее *майей* – суетной действительностью, обрекающей человека на вечное кружение в сансаре) говорили тогда многие. «С началом текущего века, – по мнению Павла Флоренского, – научное понимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всем протяжении человеческой истории. Эти два признака суть прерывность и форма. Непрерывность изменений имеет предпосылкой отсутствие формы: такое явление не стянуть в одну сущность изнутри. Эволюционизм, как учение о непрерывности, существенно подразумевает и отрицание формы, а следовательно – индивидуальности явлений»⁶⁴. Возможно, Флоренский имел в виду и биологов, обладавших философской интуицией, таких, как Лев Семенович Берг. В 1922 году он опубликовал труд «Номогенез, или Эволюция на основе закономерности».

⁶³ Jung C.G. Psychology and Religion: West and East. – L., 1958. – P. 591.

⁶⁴ Флоренский П.А. Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – № 5. – С. 504–505.

стей», где, вопреки учению Дарвина о естественном отборе, предложил идею целесообразности, а не случайности Эволюции. Явлениям присуща центростремительная сила, независимая от внешней среды. Эволюция такого рода, исходя из индивидуальности сущего, не может не вести к Добру. И это совпадает с учением китайцев о Великом Дао.

В этом суть – в признании того, что каждая вещь имеет свой центр, следует своему Пути, и никакую нельзя умалить без ущерба для всех. Каждая имеет свою внутреннюю форму, свою душу (когоро – у японцев). Такое понимание противоречило не только тем, кто уповал на поспешающий прогресс, но и идее Шпенглера о вечном становлении, не имеющем смысла. Прерывность, в понимании русской философии, есть прорыв души к духу, к свободе. «Каждый перерыв, – по словам друга Флоренского Владимира Эрн, – это та реальная в пределах нашего мира лежащая точка, где два мира: мир „этот“ и „тот“, мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии. И это соприкосновение, как огонь палящий, сжигает всю шелуху естественного развития. а подлинно ценное продолжает свой рост»⁶⁵.

В этом понимании двух миров, в их соприкосновении русские сродни японцам. Те и другие уповали на внутреннюю силу, независимость от внешнего мира; верили не столько в закон, сколько одни – в милость Божью, другие – в действие богов – *ками*, своих прародителей. «Будьте сами себе светильниками», – заповедовал Будда, и дзэнские мастера следовали его завету: жертвовали жизнью, но не отказывались от Пути. «В дзэн каждый индивид – это абсолютная целостность; будучи таковым, он связан со всеми другими индивидами: связь бесконечных взаимоотношений становится возможной в центре Пустоты, где они находят себя именно такими, какие они есть, то есть индивидуальными сущностями»⁶⁶.

---

⁶⁵ Эрн В. Ф. Борьба за Логос. – С. 256.

⁶⁶ Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура. – СПб., 2003. – С. 391.

Илл. 31. Владимир Соловьев

Вера в уникальность каждого уже не могла исчезнуть. В начале XX века Окакура Какудзо в «Книге о чае» писал: «Девятнадцатый век с его идеей эволюции приучил нас думать о человечестве, не думая о человеке (это же имел в виду и Флоренский. – Т. Г.). Коллекционер усердно собирает образцы, чтобы представить период или школу, не осознавая, что одно произведение искусства может научить нас больше, чем многие примеры посредственной работы целого периода. Мы слишком много классифицируем, слишком мало непосредственно переживаем»⁶⁷. И в этом причина, нередко на уровне подсознания, притяжения к японскому искусству, позволяющему ощутить в миге – вечность, в человеке – вселенную. Американский поэт Эзра Паунд восхищался умением японцев передавать в одном хокку (хайку) целый мир: «Японцы создали не только хокку, но и театр Но, который может состоять из одного образа, то есть вся пьеса служит его развитием с помощью движения и музыки, чем достигается целостность исполнения. Нашим длинным стихам есть чему поучиться»⁶⁸.

Современный знаток японской поэзии, редактор журнала «Снег», где печатаются любители хайку со всей Японии, Мурамацу Томоцугу признается, что свой любимый роман

---

⁶⁷ Okakura Kakuzo. The Book of Tea. – Tokyo, 1974. – P. 68.

⁶⁸ Цит по: Miner E. The Japanese Tradition in British and American Literature. – Princeton, 1966. – P. 139.

– «Войну и мир» Льва Толстого – он может сравнить лишь с японскими хайку. Разница лишь в том, что русский ум витает в заоблачных высях, глядя на мировое пространство, а японский вглядывается в каждую малость. Умением одной травинкой передать дыхание мира восторгался Ван Гог: «Изучая искусство японцев, мы неизменно чувствуем в их вещах умного философа, мудреца, который тратит время – на что? На измерение расстояния от Земли до Луны? На анализ политики Бисмарка? Нет, просто на созерцание травинки»⁶⁹. Один цветок, а не сто, даст почувствовать душу цветка, говорят дзэнские мастера.

---

⁶⁹ Ван Гог. Письма. – М.-Л., 1966. – С. 406.

«В индивидуальности заключена вся тайна бытия» Вильгельм фон Гумбольдт

*Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь,
а не знаешь, откуда приходит и куда уходит...*

Ин 3:8

Природа индивидуального для одних оставалась тайной, для других – сама собой разумелась. Там, где господствовала линия, берущая начало в исходной точке, не было возможности для внутреннего Пути. Пифагор назвал Единицу – Богом, материю – двойкой, вселенную же обозначил числом 12, соединив 1 и 2. Иерархию духов представил как геометрическую регрессию, а ее существа – как гармонические соотношения, музыку сфер. И все же у Плотина были основания назвать «двоицу» Пифагора первым различием и «дерзостью», послужившей причиной распада Единого на множество, а так как ум отпал от Единого, отпала от ума и душа. Мысли Плотина о том, что узнаешь себя, забыв о себе, в чистой интуиции соприкасаясь с Единым – Богом: «Ум должен как бы отпустить себя, не быть умом» (Энн., 3, 8, 9); «Познавший себя узнает, откуда он» (Энн., 6, 9, 7), – близки буддизму, но не они определили путь западной цивилизации, ориентированной на множество, на «царство количества».

Платон говорит: «По прямому пути Бог приводит все в исполнение, хотя по природе своей он вечно обращается в круговом движении. За ним всегда следует правосудие, мстящее отстающим от божественного закона» (Законы, 716 А-Б). Забыв о правосудии, непробужденное сознание предпочло то, что доступнее: закон борьбы ради стремительного движения вперед, в одну сторону – во имя расширения. На Западе, следуя за Аристотелем (или делая вид, что следуют), выделяют из единого соединенные в нем противоположности: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле. И это, конечно, самое достоверное из всех начал» (Метафизика, 3, 3). От «Политики» Аристотеля наследуют идею господства общего над частным: «Природа государства стоит впереди природы семьи и индивида: необходимо, чтобы целое предшествовало части» («Политика», 12).

Не от этих ли идей берет начало представление о целом как о сумме частей, хотя целое независимо и не частями обусловлено? Иначе индивид будет частью, чем-то незначительным, чем можно пренебречь. Однако именно это стало нормой: приоритет общего над единичным. До сих пор на человека смотрят с точки зрения его социальной полезности, забывая о его онтологической первичности: от человека – «меры вещей» – зависит все остальное, и само общество в том числе.

В начале XIX века Вильгельм фон Гумбольдт признал в индивидуальности исходную точку жизни, гарант мирового порядка. Индивидуальности открыты высшее сознание, Истина и Сострадание; будучи центром взаимного притяжения, она образует целое на любом уровне. Но не так просто усомниться в законе противоречия, который заложен в сознании человека с древних времен. «Мы должны найти правильное понятие Единства, в котором снимается всякая противоположность единства и множества», – полагает Гумбольдт. Нет единого вне единичного, или единичное и есть Единое. Человечество реализуется через человека, а не наоборот. Когда увидят мир, как есть, родится экологическое сознание, перестанут разрушать то, от чего зависит жизнь, прежде всего – Культуру, культуру мысли и чувства.

Свобода с большей силой проявляется в отдельном человеке, а природная необходимость – в массах и в человеческом роде. Чтобы определить «царство первой, необходимо,

прежде всего, развить понятие индивидуальности», по Гумбольдту. В универсальном развитии индивидуальности он видел смысл истории; в каждой нации – «форму индивидуализации человеческого духа», идею, вытекающую из всемирно-исторического процесса. Возвышение, расширение внутреннего бытия – «вот то единственное, что отдельная личность вправе считать своим нетленным приобретением, а нация – верным залогом будущего развития новых великих индивидуальностей»⁷⁰.

Так думали и Рабиндранат Тагор, и Томас Карлейль, и его последователи, прозревшие в единичном Единое. «Мною движет глубокое чувство того, – продолжает Вильгельм фон Гумбольдт, – что все рождающееся в душе, будучи истечением единой силы, составляет одно большое целое и что все единичное, словно овеванное тою же силой, должно нести на себе признаки своей связи с этим целым»⁷¹. Если Целое – воплощенное в единичном Единое, значит, путь к единству – реализация индивидуального в свободном творчестве. Мудрому не нужен закон – он творит Добро по природе. Всякая иная свобода, свобода не проснувшегося ума, есть свобода от обязанностей, от совести, есть рабство у самого себя. В наше время, когда свобода превращается в разнузданность, вседозволенность, эта тема приобретает особую остроту⁷².

Падение культуры – свидетельство падшего сознания, что, действительно, не прощется историей. Истина доступна просветленному. Не об этом ли говорил Христос: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 32:8). Значит, не познавший Истину не может быть свободным. Истина есть Целое, целое индивидуально, индивидуальность укоренена в Бытии – и в этом ее неоспоримость. Реализация индивидуальности невозможна без усилий души, без очищения сознания от того, что обыденный ум считает нормой. Целостное видение многомерно, оно знает не только линейные связи, по горизонтали, но и точечные, по вертикали: одно не отрицает другое, и все находит подобающее место. Такое мировосприятие древние китайцы называли законом Соответствия (Хэ), совершенным Путем Поднебесной, согласно «Учению о Середине» («Чжун-юн»).

Взгляд с высоты позволяет увидеть одновременность связей, когда в одном присутствует все и ничего нельзя умалить. Не «то или это» или «сначала то, потом это», а то и это одновременно. «Это есть ты» («*tat tvam asi*») – сквозная мысль упанишад. А чаньский патриарх Сэн-цань в поэме «Доверяющее сердце» скажет: «Нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Одно во всем и все в Одном». Значит, всякое посягательство на суверенность не может не отразиться на жизни каждого. Не только прошлое живет в настоящем, но и будущее – по последнему слову синергетиков. Мир, когда-то возникший из точки, точечен в своей основе, присутствует в каждом миге (другими словами, сингулярен – и в этом основа его единства). Центр везде, в каждой точке – значит, каждая точка имеет свое назначение и ни одну нельзя вычеркнуть. Целое морально: свободный не посягает на свободу другого человека, он сам по себе обладает полнотой – всему открыт, всему сострадает.

Законы Бытия едины, но выпадают из памяти человеческой. Извечны Идеи (в платоновском смысле), они не могут исчезнуть, даже если исчезнет народ, их не постигший; извечно и великое Дао. Оттого время от времени обращаются люди к мудрости древних, которые, согласно Платону и Конфуцию, были умнее нас. Не случайно уже более двух веков

⁷⁰ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 46–47.

⁷¹ Там же. – С. 176.

⁷² Надругательство над святынями, над святыми именами вошло в моду у никчемных умов. «Мелкий человек не знает почтительности» (Конфуций). Тем более – в годы безвременья, безнаказанности, когда, прикрываясь лозунгом «свобода слова», бесчинствует ум, если можно так назвать безумие. Стыдно! Стыдно за терпимость тех, кто приемлет клевету; страшно за соблазненных. Содрогнулась, прочитав в «Литературной газете» статью «Счастливый Розанов» (См.: Литературная газета. – 2007. – № 16). Много слышала в жизни напраслины, но такой... Поистине, «несчастное сознание» само себя наказывает. Замахнуться на нравственный разум: Вл. Соловьев, Бердяев, Флоренский. Для начала автору их хотя бы понять нужно. Один Розанов у него «счастливый», да и тот – Иван-дурак!

проницательные умы тянутся к Востоку или соприкасаются с ним по наитию. В Германии – это братья Гумбольдты, Лейбниц, Шеллинг (правда, гений Гегеля, преданный абсолютному духу, не всегда доверял восточным идеям); в Старой Англии – Карлейль, Вордсворт, Кольридж; в Новой Англии – Эмерсон, Торо, Уитмен; во Франции – Ромен Роллан, Фламма-рион. В России такие просветленные умы, как Лев Толстой, Вернадский, Циолковский и другие, искали ответ в восточных учениях, или в прапамяти человеческой. Их было немало, но их ясные голоса не доходили до «механического сердца». В результате человечество отброшено даже не в прошлое, а на обочину истории, хотя именно это пытались предотвратить начиная с XVIII века «новые пророки».

Эмерсон назвал человека «рухнувшим божеством», а Генри Торо признавался: «Я еще не встречал человека, который бы вполне проснулся»⁷³. Люди превратили душу в сточную канаву, куда сливаются все новости – журнальные, газетные, городские сплетни. «Делать и думать, как все, – значит ничего не делать и не думать вовсе, ведя никчемную жизнь большинства, когда все мысли устремлены к наживе, – люди разучились слышать и видеть, одержимые одной страстью, одной идеей – подсчетом прибыли»⁷⁴, – негодовал Г. Торо. Американские трансценденталисты искали спасения от пагубного влияния цивилизации, разрушающей личность, и поражались тому, к чему мы уже привыкли.

Ралф Уолдо Эмерсон обращался к внутреннему голосу, который исходит из чистого и вечного источника Божественной интуиции. Всякий общественный институт – лишь продолжение тени, которую отбрасывал какой-то человек: монашество – тень святого отшельника Антония, реформация – Мартина Лютера. Томас Карлейль называл «одеждой» общественные институты и нормы. Когда одежда изнашивается, от нее избавляются. «В конечном счете священо лишь одно – неповторимость твоего собственного духовного мира»⁷⁵, – соединяет свой голос Эмерсон.

---

⁷³ Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу // Американские трансценденталисты, Эмерсон и Торо. Цит. по: Григорьева Т. П. Вступление // Новые пророки / Пер. с англ. – СПб., 1996. – С. 9.

⁷⁴ Там же. – С. 7.

⁷⁵ Там же. – С. 10.

Илл. 32. Стоящий Будда-Нерай (Амитабха), традиционно идентифицируемый как Шакьямуни. Период Камакура, XIII век. Национальным музей, Токио

Американских трансценденталистов объединяло чувство Свободы, не дарованной или завоеванной, а врожденной, присущей человеку изначально. Свобода недостижима в мире общественных связей – горизонтальных отношений. Движение по горизонтали, повторение одного и того же может дать лишь накопление количества в ущерб качеству, в ущерб душев-

ному пробуждению. В каждой душе есть всеобщая Душа, как Брахма в Атмане: «Брахман, высший, великий, скрытый во всех существах, в теле каждого»⁷⁶, – повторяет Эмерсон.

Генри Торо мечтал о Всеединой Библии, куда бы вошли священные тексты – индусские, китайские, персидские, еврейские, мечтал сделать вечную Истину, исходящую от Верховного Духа, достоянием каждого. Ощущая «Свет с Востока» («Ex Oriente lux»), Торо публикует «Изречения Конфуция», «Китайское четверокнижие», «Законы Ману» и «Молитвы Будды». По собственному признанию, Торо не столько испытал влияние китайских мудрецов, сколько был поражен созвучием их идей своим собственным. Ему близка мысль Конфуция: «Если государство не идет по Пути справедливости (Дао), то стыдно быть богатым и в чести. Если государство идет по Пути – Дао, то стыдно быть бедным и не в чести» (Луньюй, 8, 13).

Нравственный Закон есть центр Природы, «все вещи наделены моралью», – говорит Эмерсон. В своих изменениях они все более сближаются с Духом. Единый, не распадающийся на составные части Дух воздействует на нас; воздействует не извне, не через пространство и время, но изнутри души, через нас самих. Мир – открытая книга, любое явление Природы отзовется откровением в человеке, когда изменится его сознание. Спасение – в возвращении миру его изначальной и вечной Красоты, разрешается исцелением души. «Те руины, та пустота, которые мы обнаруживаем в природе, на самом деле находятся в нашем собственном глазу. Ось зрения не совпадает с осью вещей»⁷⁷. Эти мысли пронизывают очерк Эмерсона «Природа».

Третьим из новых пророков, ознаменовавших духовный взлет Америки, был поэт Уолт Уитмен. Его «Листья травы» – о единстве всех форм жизни и неповторимости каждого мига, каждого атома Бытия. Поэт верит в вечную жизнь, ощущая свое Я странником, прожившим триллион лет. Верит в бессмертие, в переход в иную сферу без забвения прежнего опыта. Чувство всеродства наполняет его душу радостью жизни: «Вьюнок у моего окна говорит мне больше, чем книжная метафизика» («Песнь о самом себе»).

Чем выше мир тонкой, духовной энергии, тем сильнее резонирует одно на другое, расширяя сознание. Стремление познать внутреннюю суть вещей, перевести взор от материи к духу вывело русскую мысль к Софии. Премудрость Божья, Художница призвана соединить небесное и земное, воплотить высшую Соборность, побуждая души к сотворчеству, – в неслиянном и нераздельном Единстве. Почти век спустя после Эмерсона русские решают те же вопросы: почему ось зрения человека не совпадает с осью вещей или Божественным замыслом?

Полагаю, что, наверное, никто так ясно не обозначил путь к Свободе, как Николай Бердяев: сознание подчинено закону, который знает общее и не знает индивидуального. Дух не генерализирует, а индивидуализирует. Сама структура сознания рождает рабство. «Но всегда нужно иметь в виду двойную роль сознания, оно и замыкает и размыкает»⁷⁸. Личности остается заглянуть в себя, ведь она – абсолютный экзистенциальный центр, она не может быть ничем детерминирована извне – ни космосом, ни обществом, она определяется изнутри, из присущей ей добытийной свободы. Гениальность потенциально присуща личности, гений же одинок, не принадлежит никакой социальной группе. Личность есть точка пересечения двух миров; она реализует себя в творчестве, свободе и любви. «Космос, человечество, общество находятся в личности, а не наоборот. Личность, то есть Индивидуальное, по другой терминологии, сингулярное экзистенциальнее человечества. Самый сингуляризм индивидуального проникнут внутренне не индивидуальным, универсальным».

---

⁷⁶ Там же. – С. 14.

⁷⁷ Там же. – С. 41.

⁷⁸ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. – С. 36.

В наше время учеными Московского Института квантовой генетики, рассказывает его директор Петр Горяев, совершенно важное открытие. Они установили, что молекула ДНК состоит из закодированных текстов на неизвестных пока языках. Причем эти тексты могут читаться начиная с любой буквы, образуя новые тексты. Можно читать с любого места, в прямом и обратном порядке. Неисчерпаемый генетический фонд проявляет себя через голографическую память, в зависимости от того, каким светом освещены голограммы. Притом на одной голограмме может быть записано бесчисленное множество голограмм (публикация «Супермозг породил человечество» в «Литературной газете»). Это открытие подтверждает буддийское понимание дхармы – самопорождающиеся тексты и дзэнский постулат – «Одно во всем, и все в Одном». Фактически наука подтверждает сингулярную природу сознания, его неисчерпаемые возможности. Нам остается вникнуть в учения мудрецов о нравственной природе сознания, чтобы его неисчерпаемые возможности не обернулись для человека бедой.

Потому так важно понять, что такое истинная, добытийная свобода, за которую ратовал Николай Бердяев; что такое свобода, предназначенная человеку для его спасения. Лишь свободному человеку присущи универсальность, озабоченность не собой, а всем миром. Но «человек любит быть рабом и предьявляет право на рабство, меняющее свои формы», говорил Бердяев. И самое, казалось бы, парадоксальное, состоит в том, что человек не может быть истинно свободен, подчиняясь обществу: первичное – вторичному. Свободная личность не может быть социализирована, она укрепляется в сопротивлении власти мирового зла, которое всегда имеет социальную кристаллизацию. «Социализация, распространяющаяся на глубину существования, на духовную жизнь, есть торжество *das Man*, социальной обыденности, тирания средне-общего над лично-индивидуальным. Поэтому принцип личности должен стать принципом социальной организации, которая не будет допускать социализацию внутреннего существования человека»⁷⁹.

В наше время ученые, говоря о глобальном кризисе, видят его причину в нарушении экологического равновесия. «Социальное развитие человека изменило цель существования (удовлетворение социальных, а не биологических потребностей) и потому нарушило полную согласованность трех ключевых параметров эволюции биосферы: неограниченное наращивание числа функций техногенным путем, неадекватность системы коллективного мышления и управления, выход из системы экологического контроля и, в результате, полное рассогласование темпов развития»⁸⁰.

Пока сознание не изменится, человек не познает свободы, как не познал ее индивидуализм европейского толка – замкнутое на себе эго. По Бердяеву, провозглашенный Западом индивидуализм «означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого»⁸¹. Сколько ни провозглашай свободу, не осознавший себя, живущий в страхе, зависимый от инстинктов человек не может быть свободен. Не может быть свободен, если несвободно его сознание. Наше время тому подтверждение. Но сознание не только «закрывает», но и «размыкает», если человек научится глядеть в себя (то есть видеть себя таким, «каким ты был до рождения», говорят даосы и немецкие мистики). «Я сам есть своя первопричина, источник своего вечного и временного бытия, – говорит Майстер Экхарт. – Таким я родился; и поскольку жизнь моя проистекает из вечности, я никогда не умру. Между тем мое вечное рождение послужило всему началом. Я был первопричина себя самого, равно

---

⁷⁹ Там же. – С. 34, 42, 50.

⁸⁰ Иванов О. П. Законы эволюции биосферы и экологические следствия // Этика и наука будущего: Ежегодник. – М., 2002. – С. 99.

⁸¹ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. – С. 29.

как и всего остального»⁸². А Дайсэцу Судзуки скажет: «Будь самим собой, даже таким, каков ты есть, и ты будешь безбрежен, как пространство, свободен, как птица в небе или рыба в воде, и твой дух будет чист, как зеркало»⁸³.

Человек, зависимый от общества, не может быть ему полезен; не выйдет на Путь спасения сам и не поможет другим. В этом суть Срединного Пути или Истины. Совесть, по Бердяеву, не может иметь центра в каком-либо единстве, не подлежит отчуждению, будучи внутренним свойством человека. В этом – тайна бытия. Дух знает лишь единичное. Внутренний экзистенциальный универсализм личности противостоит внешнему, объективированному универсализму, создающему все новые формы рабства.

---

⁸² Судзуки Д. Т. Мистицизм христианский и буддистский. – Киев, 1996. – С. 71.

⁸³ Suzuki D. T. Studies in Zen. – N.-Y., 1955. – P. 24.

Илл. 33. Замок Мацумото

Однако сколько люди ни пытаются избавиться от тирании псевдоцелого, а выхода не находят – не там ищут, не в себе. «Принцип исследования – искать целое через составные части – превратился в террористическую практику ликвидации особенного» (Жан-Поль Сартр). Мартин Хайдеггер в усредненности видит трагедию века: используя общественные средства сообщения, каждый уподобляется другому. «В этой неразличимости и неопреде-

ленности развертывает Мао свою подлинную диктатуру», – писал он в работе «Бытие и время». И в 60-е годы XX века – все то же омрачение ума: уход богов, разрушение земли вследствие превращения человека в некую массу. «Ненависть и подозрение ко всему свободному и творческому достигли такого размаха по всему миру, что такие ребяческие категории, как пессимизм и оптимизм, давно уже стали абсурдными», – пишет Хайдеггер⁸⁴.

Сартр воспринимает современную жизнь как театр абсурда, сострада «покоренной материи». Изгнав природу, изгнали человека: «дух становится материей», средство поглотило цель. Мир вывернулся наизнанку под действием эрзацкультуры. «Всюду беда: вещи страдают и стремятся к инертности, но не могут ее достичь; дух унижен, обращен в рабство и тщетно силится достигнуть сознания и свободы. В фантастике перевернут образ единства души и тела: в ней душа занимает место тела, а тело – место души. природа вне и внутри человека воспринимается как человек наизнанку»⁸⁵.

Действительно, скажем, массовую страсть к фантастике можно объяснить страхом человека заглянуть в глаза реальности или в собственную душу, где не все в порядке. К тому же, взбунтовалась логика, помогавшая человеку на протяжении тысячелетий выходить из трудных положений. (Говорят: умный находит выход из сложной ситуации, мудрый в нее не попадает.) Ж.-П. Сартр рассказывает историю о том, как он заказывал себе кофе: гарсон записал заказ и передал другому гарсону, тот записал в блокнот и передал третьему, приходит четвертый и вежливо подает чернильницу. Количество уничтожило качество – но такова модель бюрократии вообще и особенно нашей, русской, она – за пределами логики. Однако Ж.-П. Сартр находит если не оправдание, то объяснение этому абсурду: «Если я сам вывернут наизнанку в мире наизнанку, то мне кажется, что в нем все налицо»⁸⁶. Это – самое страшное, что может произойти и что заставляло Бердяева бить в набат, спасая человека.

Не могу удержаться от соблазна вспомнить, по контрасту с западными философами, Ивана Ильина, пытавшегося понять причины кризиса, случившегося в России. Слово «кризис» происходит от греч. крино – «сужу». В момент кризиса действуют скрытые силы, которые сами над собой произносят суд. От его решения зависит их жизненная судьба: преодоление кризиса или умирание. В России полуинтеллигенция своим нигилизмом спровоцировала этот кризис. Но его глубинная причина заключается в том, что за последние века человечество оскудело внутренним, духовным опытом и прилепилось к внешнему чувственному опыту, опираясь на формальную логику, механическую проверку измерением. «Полуинтеллигенция, поставляющая учеников безбожия, укрепила в этом укладе с увлечением и даже ожесточением»⁸⁷.

Желание понять причину разыгравшейся трагедии, снимая «субъективность» – национальный и социальный эгоизм, мешающий увидеть правду и собственную, метафизическую вину, – чувство вселенской ответственности роднит русских философов той эпохи. В частности, Николай Бердяев не был знаком ни с даосизмом, ни с буддизмом, но тем разительнее сходство. Истина – вне времени и пространства. «Явленное Дао не есть постоянное Дао. Названное имя не есть постоянное имя. Не имеющее имени – начало Неба и Земли. Имеющее имя – Праматерь всех вещей. Не подверженный страстям видит таинственно-прекрасное. Подверженный страстям – видит лишь поверхностное. Но оба Пути одного происхождения, называются по-разному. То и другое в глубине. От одной глубины к другой – врата в таинственнопрекрасное». С этого начинается Лао-цзы свой «Даодэцзин», и смысл его уни-

---

⁸⁴ Работы М. Хайдеггера по культурологии и теории идеологий. – М., 1981. – С. 158.

⁸⁵ Сартр Ж.-П. «Аминадав», или О фантастике, рассматриваемой как особый язык // ИЛ. – 2005. – № 9. – С. 284.

⁸⁶ Там же. – С. 290.

⁸⁷ Ильин И. А. Кризис безбожия. – М., 2005. – С. 10, 11.

версален. Феноменальный мир, опытное знание, на которое до недавнего времени уповала наука, не способно обнаружить Истину, но может к ней приближаться.

В этом заключено принципиальное отличие учений восточных мудрецов от мировосприятия греков («Путь вверх и вниз один и тот же» – по Гераклиту). Китайцы же верили в восхождение от Земли к Небу, к Духу. Дао само по себе ведет к совершенству того, кто следует ему. Потому и не было у них понятий судьбы или рока, от которого никуда не деться, – тому свидетельство и древний «Ицзин». В «Книге Перемен» движение идет по кругу (символ Неба), но не повторяясь, а восходя на следующую ступень мировой спирали. Всего в «Ицзине» 64 гексаграммы, 64 ситуации, характер которых обусловлен отношением Инь-Ян, двух модусов энергии – Ци. Здесь нет привычного для нас исходного начала, последовательного причинно-следственного ряда. Логика обусловлена взаимодействующими Инь-Ян. Гексаграммы как бы сдвоены, одно не понять без другого. Если предпоследняя, 63-я, гласит: «Уже конец», то следующая напутствует: «Еще не конец». Последняя гексаграмма отражает характер нашего времени.

Знарок и переводчик «Ицзина» Ю. К. Щуцкий определяет 64-ю гексаграмму как ситуацию хаоса. Но хаос понимается им не как распад созданного, а как возможность бесконечного творчества. Не как нечто отрицательное, а как среда, в которой может быть создано нечто новое (принцип синергетической модели). В то время когда человек проходит через хаос, единственное, на чем он может держаться, – это на самом себе, ибо в хаосе не на что положиться. Стойкость, о которой шла речь в предыдущей ситуации, становится центральной чертой человека, сообщая ему благородство. «И это благородство, как из некоего центра, может излучаться во все окружение, облагораживая его». Суть внутреннего благородства – внутренняя правдивость. (Слово «внутреннее» нужно понимать не как искусственное, принимаемое из каких-то побуждений, а как естественное, изначально присущее.) «Так, здесь, в пределах мрака и хаоса, внутренняя правда сияет, озаряя все вокруг, и в этом указывается возможность дальнейшего проявления света, то есть творчества»⁸⁸.

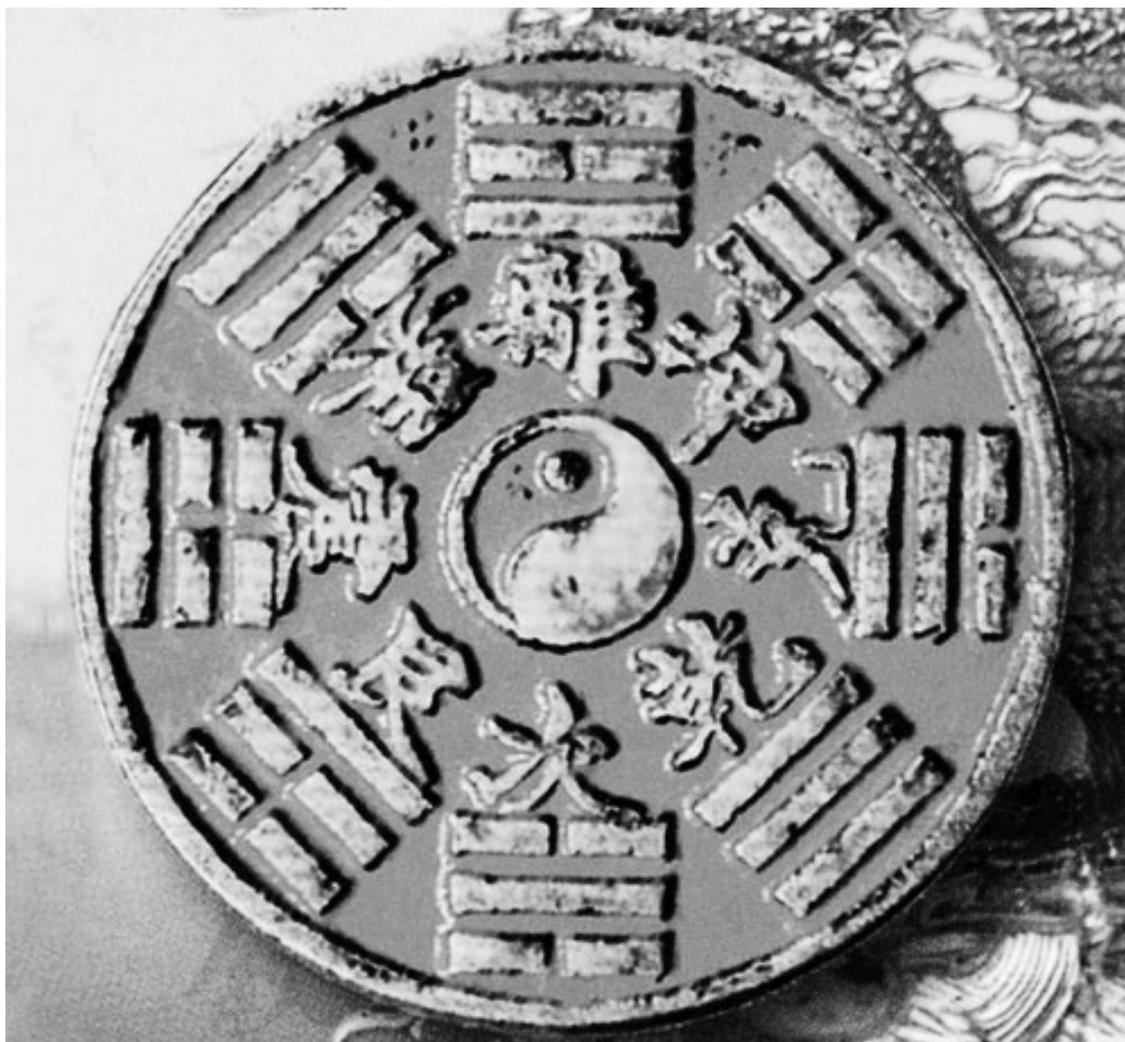
Помимо переживаемой во времени ситуации существует извечное Дао, небесная Эволюция, к которой, пройдя очередной виток, приближается человечество. И совсем уже определенно об этом сказано в «Сицычжуань» – древнем комментарии к «Ицзину»: «Одно Инь, одно Ян и есть Дао. Следуя ему, идут к Добру (Шань). Осуществляя, проявляют изначальную природу (Сим)». Добро (Шань) – изначально, абсолютно, задано Небом. Следующий Пути приходит к нему, становится Дао-человеком (в традициях русской философии – Бого-человеком). Почему это возможно? Потому что изначальной природе человека (Син) присущи «пять Постоянств» (Учан): Человечность – Жэнь, Справедливость – И, Благородство – Ли, Искренность – Синь и Мудрость – Чжи. Естественным, когда эти качества пробуждаются в человеке, все приходит в Гармонию (Хэ).

Единый континуум: с пятью моральными качествами соотносятся пять типов энергии: дерево, земля, вода, огонь, металл; пять планет, пять звуков и т. д. Одно резонирует на другое – в одном месте тронешь, в другом отзовется. Если человек нарушает какое-то из Постоянств, скажем, Человечность или Справедливость, страдают все, потому что «Одно во всем и все в Одном». Но если человек следует велению Неба, то все направляется к Благу. Потому и называют человека Триединым, посредником между Небом и Землей, призванным осуществить небесный замысел. (В соответствии с антропным принципом, который соотносится с антропоцентризмом как целое с частью, или как небесное Дао с человеческим.)

Насколько этот тип связи труднодостижим для нашей логики, свидетельствует, в частности, перевод: «То Инь, то Ян и есть Дао». С одной стороны, действительно, меняется ритм: то Инь набирает силу, то Ян (как в природе – смена дня и ночи, тепла и холода). С другой

⁸⁸ Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». – М., 1960. – С. 381–383.

стороны, это следствие логики исключенного третьего: или то, или это. Но в Дао – иначе: «и то и это», постоянное взаимодействие Инь-Ян, ведущее к их уравниваемости. Когда одно Инь и одно Ян приходят в равновесие, наступает ситуация всеобщего Расцвета (Тай – 11-я гексаграмма). В этом, по-моему, заключается смысл и первых двух гексаграмм. Первая (шесть целых янских черт) – символ абсолютного Творчества, Неба. Вторая (шесть прерванных иньских черт) – чистое Исполнение, Земля. Идеальное состояние – их Равнодействие. Когда Инь-Ян находятся в отношении Гармонии, рождается Третье – по вертикали, будь это Трехединый Человек или всеобщее Благо – Шань (в традициях русской философии – Царствие Небесное, воплощенная Троица).

Илл. 34. Круг триграмм

По словам Лао-цзы, «Дао рождает Одно. Одно рождает два. Два рождает Третье. В изначальной энергии есть Гармония (Хэ)» (Даодэцзин, 42). А в предыдущем 41-м чжане сказано: «Великий квадрат не имеет углов. Дао скрыто и безымянно, но лишь оно ведет к Добру (Шань)», то есть все противоположности условны. Или, говоря словами Якоба Беме: «Бог должен стать человеком, человек – Богом, небо должно стать единым с землей, земля должна стать небом»⁸⁹. Достигая завершения, все становится Единым: нераздельным и неслиянным. Как у Пушкина:

⁸⁹ Цит. по: Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 302.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...

Наконец, вновь обратимся к Н. Бердяеву – в связи с Лао-цзы: «Божественная мистерия Жизни и есть мистерия Троичности. Она совершается вверху, на небе, и она же отражается внизу, на земле. Повсюду, где есть жизнь, есть тайна Троичности. Встреча одного с другим всегда разрешается в третьем. Один и другой приходят к единству не в двоичности, а в троичности, обретают в третьем свое общее содержание, свою цель. Бытие было бы в состоянии нераскрытости и безразличия, если бы был один. Оно было бы безнадежно разорванным и разделенным, если бы было только два. Бытие раскрывает свое содержание и обнаруживает свое различие, оставаясь в единстве, потому что есть три»⁹⁰. (Японцы называют свою логику «трехполюсной», в соответствии с вертикальной структурой мира, что, как они считают, позволяет восходить к высшему, божественному состоянию.)

Поскольку речь идет о Культуре и Цивилизации, я не могла не сказать обо всем этом, о законе небесного и земного притяжения. Кризис цивилизации связан с падением культуры – вследствие вечного соперничества, установки на борьбу. Но не все обречено сражаться. Есть культуры, не знающие противостояния, конфликта с цивилизацией и конечного проигрыша, так как в борьбе не всегда побеждает достойный, но он всегда побеждает со временем. Культура есть память, преемственность духа, исходящего от горных вершин: сверху вниз.

Японцам, приобщенным к буддизму, оказались близки мысли Томаса Карлейля о том, что материя, как бы она ни была презренна, есть Дух, проявление Духа. «Вещь видимая, даже вещь воображаемая, что она такое, как не покров, не одежда для высшего, небесного, невидимого, непредставяемого, темного в избытке света?» («Сартор Резартус»). Таким утверждением японцев не удивишь, как и вопросом: «Что такое сам человек и вся его земная жизнь, как не эмблема, – одеяние или видимое платье для божественного Я его личности?»⁹¹ Разве что назовут это Я внутренним человеком, истинно-сущим, хотя и не думали о личности как о творце истории. О ней они узнали из книги Томаса Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1840): «Настоящий герой – всегда труженик. Его высшее звание – слуга людей. если он раз поставил свое личное „я““ выше интересов общих, он уже не герой, а служитель мрака»⁹². Герой возвращается к самой действительности, опираясь на сокровенное в вещах (японцы называют это Татхатой): «Каждый сын Адама может стать искренним, оригинальным человеком. Сын природы всегда оригинальный человек»⁹³. Эти слова Томаса Карлейля Куникида Доппо записал в своем дневнике: они возвращали его к истокам⁹⁴.

Как известно, интеллигенция с конца XIX века уповала на сверхчеловека. Освальд Шпенглер уверен, что всемирную историю делают великие индивидуальности, что новый род метафизики доступен лишь избранным душам, но и они не вечны. Он говорил о феномене «тех великих индивидуальностей, чье становление, рост и увядание под пестрой обманчивой оболочкой скрывает настоящую субстанцию всемирной истории»⁹⁵. Иначе мыслили русские философы, уверовавшие в бессмертие души. «Образ человеческий, но и образ Божий. В этом скрыты все загадки и тайны человека. Свобода и независимость личности

---

⁹⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – С. 135–136.

⁹¹ Карлейль Т. Sartor Resartus. – М., 1904. – С. 13.

⁹² Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – СПб., 1908. – С. 140.

⁹³ Там же. – С. 144.

⁹⁴ Перевод дневника Куникида Доппо даю по книге «Одинокый странник» (М., 1967), где много ссылок на Карлейля.

⁹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. – С. 94.

от объективного мира и есть ее богочеловечность», – скажет Бердяев в книге «О рабстве и свободе человека». И в работе «Смысл творчества» говорит о том же: «Мир еще не был сотворен Творцом, когда образ человека был уже в Сыне Божьем, предвечно рождающемся от Отца». При рождении Человека, считает он, Бог и природа будут внутри его, а не вовне.

Илл. 35. Пятиярусная пагода. Храм Хорюдзи, Нара

Учение о богочеловечестве не случайно возникает именно в России. Его провозвестник, Владимир Соловьев, видел в нем путь к всеединству: «Истинный гуманизм есть вера

в Богочеловечество, и истинный натурализм есть вера в Богоматерию»⁹⁶. Соборность понимали как неслиянное и нераздельное единство («симфоническое» – по Л. П. Карсавину). К соборности идут не снизу, путем природной эволюции (в дарвиновском понимании), а сверху, от Духа к материи. От высшего к низшему идет Эволюция – по вертикальной оси, являя Единое в единичном. В наше время в соборном сознании видят выход из кризиса, путь к духовной цивилизации. «Это идеальное богочеловечество представляет собой соборное множество человеческих душ – монад; в своем потенциале – богоподобных и всезнающих. В этом едином софийном богочеловеческом „организме“ каждый элемент созвучен и со-вестен каждому, но одновременно и неповторим»⁹⁷. Насколько эти мысли созвучны японской традиции, можно судить по философии Нисида Китаро (1870–1945), современника Николая Бердяева, но не знакомого с его работами.

Изучив философию Запада, от Аристотеля до Бергсона, Нисида приходит к выводу, что разница между двумя типами мышления обусловлена разным отношением к Небытию. Для восточного ума Ничто первично, воплощает полноту возможностей, для западного – вторично, ассоциируется с концом (ограничиваясь «явленным Дао»). Японский комментатор уточняет: Небытие Нисида – всеобъемлющий Универсум, который «будучи всем есть Ничто: действие без действующего, слова без слов», что навеяно буддизмом Махаяна⁹⁸. «Конечно, – признает Нисида, – в ярчайшем развитии западной культуры, для которой Форма есть Бытие, Добро творится, немало того, что заслуживает уважения и чему нам стоит учиться. Но не скрыто ли в основе восточной культуры, доведенной нашими предками за тысячелетия до совершенства, стремление видеть форму бесформенного, слышать голос беззвучного? Наша душа постоянно к этому стремится, и я хотел бы создать философию, отвечающую этому стремлению»⁹⁹. (Та самая вертикаль, движение сверху вниз, от Неба к Земле, характерная и для русской философии.)

Нисида написал приведенные выше строки в Предисловии к работе «От действия к созерцанию», название которой говорит само за себя (интуиция предвещает действие, а не наоборот); опирался на мысль Лао-цзы: «видеть форму бесформенного; слышать голос беззвучного». Нисида, действительно, стремился осуществить свое желание. Он не соглашался с принятой на Западе теорией познания, считая, что вся европейская философия исходит из априорного противопоставления субъекта и объекта, формы и содержания. Дуализм лишил ее целостности, привел к распаду всех сущностей и самого человека. В этом, по его мнению, – причина кризиса европейской цивилизации.

В молодости Нисида пережил Озарение – Сатори: его пронзила мысль, что все вокруг и есть сама Реальность – Татхата. Так родилась его первая книга – «Размышления о Добре» («Дзэн-но кэнкю»). Путь к познанию лежал для него в чистом опыте, в непосредственном переживании Реальности, не разделенной на субъект и объект, дух и материю. Интуиция для Нисида – основной текст, понятие – комментарий. Лишь интуиции доступна глубина духа. (И здесь – опять мысль, созвучная Бердяеву: «Дух всегда пребывает в глубине, дух и есть *глубина*... Подобно тому, как нет в духовной жизни внеположенности и отдельности, нет в ней и противоположности между единым и множественным. Единое не противостоит множественному, как внешняя для него реальность, оно проникает множественное

⁹⁶ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 315.

⁹⁷ Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2001. – С. 90.

⁹⁸ Нисида Китаро. Полн. собр. соч. – Токио, 1946–1953. – Т. 7. – С. 25.

⁹⁹ Там же. – Т. 1. – С. 6.

и создает его жизнь, не снимая самой множественности»¹⁰⁰. Откуда у Николая Бердяева это дзэнское ощущение? «Все оттуда и туда», – прозревает Нисида.)

Илл. 36. Нисида Китаро

«Все оттуда и туда», от Неба к Земле, от вечного человека к его индивидуальному проявлению – так мыслит Нисида. Для Платона – «все отсюда и туда». В этом разница: одни шли от Земли, устремляясь к Небу; другие – от Неба – туда-обратно и опять туда. У китайцев – все живое, пульсирует в едином ритме; все явления, взаимопроникаясь, сообщаются в Едином. А в центре Единого – человеческое Я: «Небо и Земля родились одновременно со мной; мир и Я – одно целое. Поскольку мы – целое, можно ли что-то еще сказать? Поскольку уже сказано, что мы целое, можно ли еще что-то не сказать?» (Чжуан-цзы, 2). Когда Я отпадает от Единого, ему некуда деться, некуда идти. Догэн говорил: если Просветленность не в тебе, то где же?

---

¹⁰⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – С. 31.

Нисида возражает Аристотелю: «являющееся субъектом не является предикатом». Можно вспомнить, что говорил Уэда Есифуми об абсолютном субъекте. Сознание первично, от степени его развития, его открытости зависит степень развития общества. Оттого зашел в тупик западный индивидуализм, что отпал от Единого, пренебрег Справедливостью. Когда Природа – объект вожделений, сам человек превращается в объект. По мысли Нисиды, наше Я не только не существует вне духовной Реальности, но не существует и вне конкретного места и времени. Но конкретное и есть абсолютное: все недвойственно. В мире абсолютного Ничто горы есть горы, вода есть вода, и все существует как существует. Таково и Время: течет из вечного прошлого в вечное будущее. Время рождается в вечности и исчезает в вечности, и все в истории движется из вечного прошлого в вечное будущее. Настоящее есть та точка, где будущее и прошлое соединяются¹⁰¹. И это – главная мысль Нисиды: в мире Ничто нет противоречий, и Нирвана, которую обычно понимают как рай, куда попадают после смерти, есть состояние абсолютной недвойственности, отсутствие противоположностей. У Дайсэцу Судзуки: «Каждый миг человеческой жизни – в той мере, в какой он становится выражением внутренней сущности, – изначален, божественен, творится из Ничто и не может быть восстановлен. Каждая индивидуальная жизнь, таким образом, есть великое произведение искусства. Сумеет или не сумеет человек сделать ее совершенным, неповторимым шедевром, зависит от степени его ощущения Пустоты (Шуньяты), действующей в нем самом»¹⁰².

Пустота, незаполненность априорным, непредубежденность, по Нисиде, доступна лишь «логике Небытия» или логике Целого, проникающей в сердцевину явлений. Целое недоступно дискурсивному уму, одномерной логике, но открывается целостному уму. Единое пронизывает все явленное и неявленное, самого человека. «Наше истинное Я есть основная субстанция универсума. Когда мы узнаем свое истинное Я, мы не только соединяемся со всем человечеством, но соединяемся с субстанцией универсума, сообщаемся в духе с Божественным Разумом»¹⁰³. Будучи отражением Божественного творения, человек сам творчески движется; отличаясь от единого Творца, составляет с Ним целое. Всякая индивидуальность, таким образом, есть проявление абсолютного Небытия (абсолютно творческой жизни). Не только субъект неотделим от объекта, но и чувство от разума. Развитие общества зависит от правильного отношения Небытия и человеческих индивидов, от отношения «я» и «ты».

Идея изначального Небытия предопределила тип мышления японцев, законы искусства, таинственно-прекрасного. Небольшое эссе Нисиды «О Красоте», идеи которой отражены в книге «Искусство и Мораль» (1925), позволяет ощутить разницу с западным мышлением¹⁰⁴. Под красотой западные эстетики понимают то, что может доставить человеку удовольствие, но это лишь отчасти так. Удовольствие могут вызывать и сомнительные вещи, например слава, богатство, которые вряд ли можно назвать эстетическими. Истинное чувство прекрасного доступно лишь тому, кто преодолел вожделение, – чистой душе, ушедшей от эго, устремленного к выгоде. Добро и Красота едины с Истиной и в ней воплощаются. Красота недоступна рациональному уму, когда с одной стороны субъект, с другой – объект. Лишь в состоянии «не-я» (муга), возвращения к себе истинному, можно испытать чувство прекрасного. Даже одаренный художник, продолжает Нисида, не станет великим мастером, если у него недоброе сердце. Самоотрешенность рождает удовольствие: грусть превращается в радость, большое и малое вызывают чувство прекрасного. Говорят, что само «место, куда направляется добродетельный человек, излучает радость». Там забывает человек себя

¹⁰¹ Nishida Kitaro. *Intelligibility and the Philosophy of Nothingness*. – Tokyo, 1958. – P. 137, 145.

¹⁰² Suzuki D. T. *Mysticism: Christian and Buddhist*. – London, 1957. – P. 31.

¹⁰³ Нисида Китаро. *Размышления о Добре (Дзэн-но кэнкю)*. – Токио, 1924. – С. 261. (на японском языке).

¹⁰⁴ Nishida Kitaro. *Art and Morality*. – Honolulu, 1973.

и там приходит к нему «божественное вдохновение». Но почему? Многие понимают, что Красота есть Истина, но не в том смысле, как думает Александр Готлиб Баумгартен – представитель школы Лейбница¹⁰⁵. Они не мыслят прекрасное вне логической истины. Однако если следовать подобной логике, то на высшей ступени искусства окажется анатомический рисунок, что само по себе вызывает улыбку.

Истина, пребывающая в Красоте, не постижима рациональным умом. Истина интуитивна, является внезапно, из глубин сердца. Истина, которую Гете назвал «явленной тайной», не выразима человеческим языком, но открыта тому, кто, забыв себя, стал един с другими. Можно сказать, что это – Истина глазами Бога. Интуитивная Истина проникает в тайны вселенной, в отличие от логической истины обыденного сознания. Возможно, наступит время, когда ученый мир потеряет интерес к великой философии Канта и Гегеля, но не к Шекспиру и Гете – зеркалу человеческих сердец.

Итак, заканчивает Нисида свое эссе, – приобщиться к прекрасному может тот, кто свободен от эго. Красота или интуитивная Истина освобождают человека от бремени забот. Возвышенная Красота отбрасывает мир различий, выводит на Великий Путь, как и религия. Различие в том, что самоотрешение (муга) в прекрасном есть муга момента, а муга религии – вечна. По сути, и Мораль вытекает из Великого Пути самоотрешения. Мирское же царство с его различиями, с его идеей долга – разделяет одно с другим, отделяет добро от зла. И когда господствует такая мораль, теряется величие и религии, и искусства. Но если неустанно следовать Морали, можно достичь наслаждения, о котором говорил Конфуций: «Пойти искупаться на реку И, послушать, как свистит ветер у алтаря дождей. А потом вернуться домой, читая нараспев стихи» (Луньюй, 11, 26). И нет разницы между моралью и религией!

На трех страницах философ изложил концепцию Истины как Красоты и Красоты как Истины – основу японского искусства. Понять, почему искусство для японцев есть религия, помогает глубина таинственно-прекрасного, скрытого в Небытии. От ощущения Небытия – манера недосказанности, незавершенности художественного стиля и тайна его притяжения. Все соприкасается в невидимом мире, и ничто ничему не мешает. Нет раздвоения на абстрактное и конкретное, вечное и временное: все «здесь и сейчас». Конкретное абсолютно, потому неисчерпаемо. На Красоту можно лишь намекнуть, пережить в состоянии «не-я» (муга), «не-мыслия» (мусин). «Если хочешь узнать, что такое истинное Не-Я, опусти руки над бездной», – говорит поэт Хакуин. А на языке Бердяева: «Всякое знание абсолютного бытия есть акт самоотречения отпавшего индивидуального разума во имя Разума универсального, и благодать интуиции дается этим смирением»¹⁰⁶.

И согласно Веданте, освобождение – это соединение индивидуума со всем Космосом. Каждый человек божественен. Истина не познается расчетами – лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению, – скажет Николай Рерих. А француз Ромен Роллан поведаст об этом на языке адвайты. Существует одна Реальность – Брахман, который присутствует в каждом. В потоке призрачных «я» есть Я настоящее. Писатель сравнивает идеи веданты с досократиками, «беспредельным» Анаксимандра, из которого вышло все; с Единым вне множественности Ксенофана.

Рамакришна утверждал, что все течения мысли, пережившие время, дополняют друг друга. «Вы ищете Бога? Ну так ищите его в человеке! Божественность проявляется в человеке больше, чем в чем-либо другом». Единый Атман пребывает в каждом существе: «Он представляется одним или во множестве, словно (отражение) месяца в воде» (Брахмабину упанишада, 12). И еще в упанишадах сказано: «Кто непонятлив, неразумен, всегда нечист, // Тот не достигает того места и возвращается в круговорот бытия. // Кто же понятлив, разумен,

¹⁰⁵ Баумгартен А. Г. (1714–1762) – немецкий философ, ввел понятие эстетики как науки о чувственном познании.

¹⁰⁶ Бердяев Н. А. Философия свободы. – М., 1989. – С. 120.

всегда чист, // Тот достигает того места, откуда он больше не рождается» (Катха упанишада, 3, 7–8).

В этом смысл буддизма и индуизма. Будда есть Сознание, сказано в сутрах, сознание пробужденное, открытое Любви. Обратной стороной Мудрости – Праджни является Сострадание – Каруна, а их единство – Путь в Нирвану. Об этой зависимости разума от состояния души самое время подумать: «сон разума рождает чудовищ». Страшный грех – убить в себе душу, потерять связь с Единым. «[Мирами] асуров называют те миры, покрытые слепой тьмой; // В них после смерти идут люди, убившие в себе Атмана. // ...Поистине, кто видит всех существ в Атмане // И Атмана – во всех существах, тот больше не страшится» (Иша упанишада, 3–6). Убить Атмана – значит убить свою душу.

Итак, внутреннее Я открывается, когда преодолено внешнее эго, в состоянии анатмана (муга). Знарок Японии Лафкадио Хэрн называет это «божественным в каждом существе. По-японски оно называется „Муга-но тайга“ – „великая личность“ без себялюбия. Иной истинной „личности“ не существует»¹⁰⁷. Известна верность японцев общим интересам, долгу перед группой, что позволяет их логику называть групповой. Однако это разные уровни одного и того же Я. Каждый истинный мастер Дзэн не только внутренне свободен, но независим от веяний века, установок сознания, от воли сюзерена. Испокон веку следует он не себе, а повинуется «кисти» или внутреннему Я.

Илл. 37. Симомура Канзан. Ёробоси (история о слепом)

Когда дзэнский наставник Дайто увидел императора Годайго, практиковавшего Дзэн, он сказал: «Мы расстались много тысяч калып назад, и все же мы не покидали друг друга ни на мгновение. Мы стоим лицом друг к другу весь день, но никогда не встречались». Это и есть логика Небытия или нашедшего себя человека. Исследователи Японии говорят, что человеческая природа (нингэнсэй) для японцев и есть первичная Реальность, она лежит в основе их культуры: «закон по ту сторону закона», «слово по ту сторону слова», «разум по ту

¹⁰⁷ Хэрн Л. Душа Японии. Кокоро. – М., 1997. – С. 269.

сторону разума»¹⁰⁸. Явленное Дао не есть истинное: невидимое и неслышимое можно лишь пережить. Нисида не случайно говорит о мгновенности Красоты: Небытие ниспадает в одну единственную точку, о чем поведал Кавабата Ясунари, говоря о незатейливом хайку Басе:

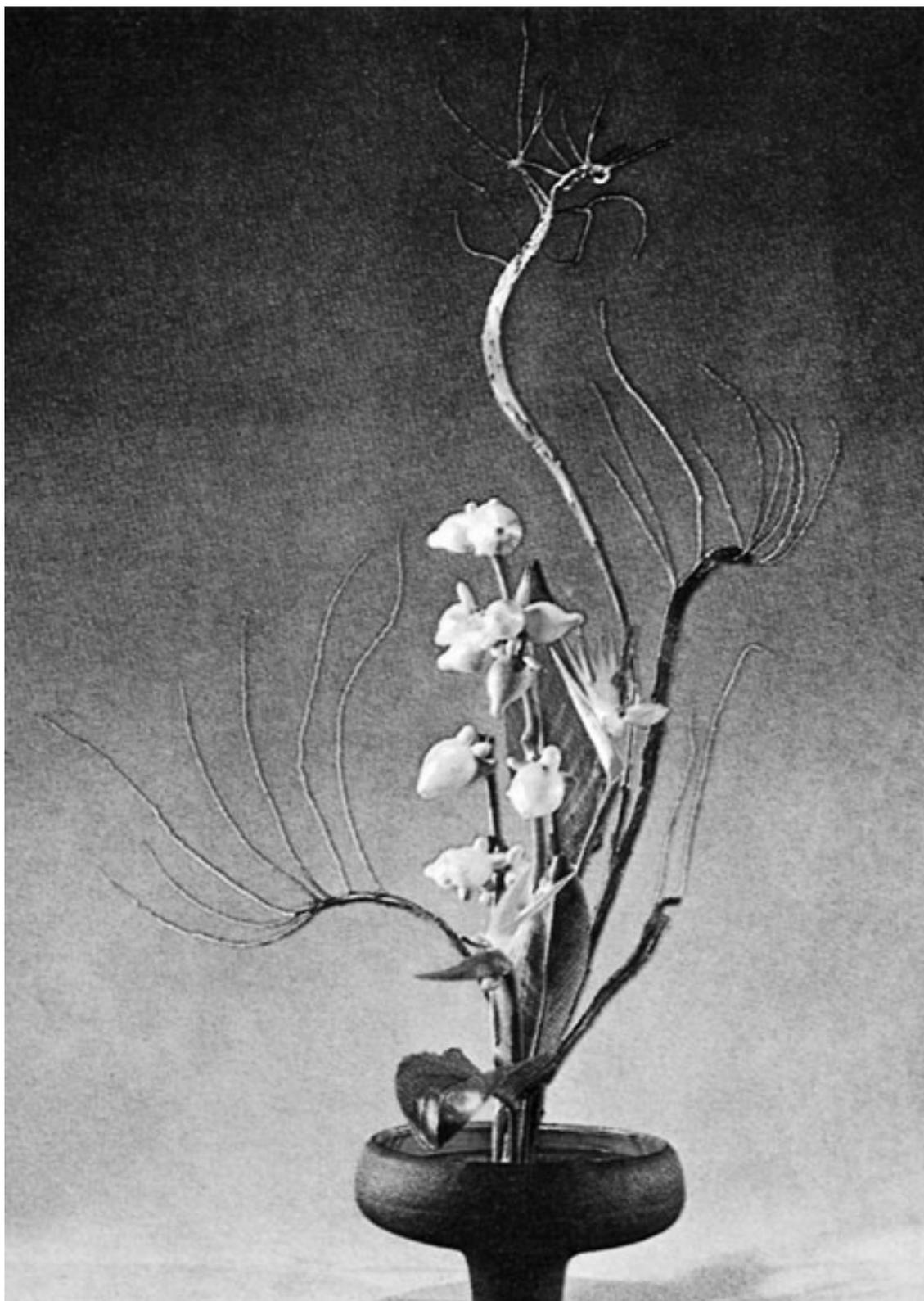
Об уходящей весне
Сожалею
Вместе с жителями Оми.

Это хайку может показаться примитивным, если не принять во внимание, что речь идет о соответствующем месте – Оми и о соответствующем времени года – уходящей весне. А потому можно говорить об открытии и переживании Красоты, увиденной Басе. Если бы речь шла о другом месте, скажем, Тамба, или о другом времени, например, о конце года, то исчезла бы сокровенная суть хайку. Мукай Керай, ученик Басе, добавил: «Прекрасное рождается само, в соответствующий момент. Важно уловить этот момент». В словах «Прекрасное рождается само, в соответствующий момент» поистине, размышляет Кавабата, важнее всего понять, что значит «в соответствующий момент» и как «уловить этот момент», или – благоволение Неба. Если удалось «уловить этот момент», значит, тебя облагодетельствовал бог Красоты¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ Ben Dasai. *The Japanese and the Jews*. – N.-Y.; Tokyo, 1972. – P. 102.

¹⁰⁹ Кавабата Ясунари. *Существование и открытие Красоты*. – Токио, 1969. – С. 46–47.

Илл. 38. Икэбана в стиле сёка (сэйка)

В этих, казалось бы, незамысловатых словах – вся тайна японского искусства. «Одно во всем, и все в Одном» переживают в мгновении. Если мастер нарушил закон Соответствия – значит, он отошел от Истины. Отошел от Истины – отошел от Красоты. Не нужно ничего придумывать, не нужно ничего искусственного – все есть в самой Природе. Углубившись в Природу, услышишь ее беззвучный голос, увидишь таинственный образ. Тогда и передашь

его на картине или в слове, когда ощутишь его всей душой, в сердечном отклике (киин). В естественности, в доверии Природе – суть японской эстетики, которую и эстетикой трудно назвать, настолько она близка Природе, живет в ритме времен года: весна – лето – осень – зима. Можно сказать, японцы сосредоточены не на себе, не на своих заботах: их сердце принадлежит Природе. Потому их искусство как бы вне времени. По крайней мере, нет у них такой зависимости от житейского времени, все более набирающего скорость, подчиняя себе человека по закону количества: достигая критической массы, оно становится агрессивным.

Илл. 39. Создание икэбана

Ощущение Единого в единичном: в каждом бьется свое сердце, созвучное сердцу Вселенной, – позволяет назвать традиционный тип мышления японцев сингулярным, сопряженным вечности. Сама иероглифическая письменность к этому располагает. Иероглиф самостоятелен и многозначен, смысл заложен в контексте. Иероглифы пишутся по верти-

кали, сверху вниз – от Неба к Земле. Все само по себе Таково, свободно – и потому Едино. Вертикальная ось, соединяющая Землю с Небом, Человека с Богами, позволяет всему находить свое место. Следуя недвойственности или Срединному Пути, все движется к Спасению. Если так, то и не мог возникнуть конфликт Культуры и Цивилизации, как и любой другой – скажем, человека и природы, чувства и разума, логики и интуиции. Дзэнские мастера стремились передать кистью то, что движет ими изнутри, выражая внутренний дух ударом кисти или криком. «Может быть, это и вовсе не искусство, ибо нет искусства в том, что они делали. А если есть, то очень примитивное. Но так ли это? Могли ли мы преуспеть в „цивилизации“, иначе говоря, в искусственности, если мы всегда стремились к безыскусности?»¹¹⁰ И в этом причина не всегда осознанного влечения других культур к японской.

Но что означает сама Культура для японцев? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, как понимали Культуру в древнем Китае, у которого поначалу учились японцы. И хотя со временем китайская культура обретала японское обличье, что-то оставалось в ней неизменным в силу близости взглядов китайцев и японцев и самой иероглифической письменности. У китаиста В. М. Алексеева были основания утверждать, что мы понимаем под культурой единственно греко-римско-европейскую: «Изучая Восток, европеец делает это, не учась у него. И в этом, по-моему, и лежит основа нашего многовекового непонимания и незнания Китая. Мы думаем, что нам нечему учиться, а на самом деле не умеем»¹¹¹. И хотя с тех пор прошло полвека и появились серьезные работы о Китае, нам не все еще ясно. Особенно труднодоступна логика Целого, вытекающая из особенностей иероглифического мышления.

Прежде всего, для китайцев Культура, обозначаемая иероглифом Вэнь, исходит от Неба, предначертана Дао и потому не постижима в полной мере, не поддается рациональному объяснению. В 22-й гексаграмме «Ицзина» сказано: «Наблюдая небесное Вэнь, постигаешь смену времен. Наблюдая человеческое Вэнь, совершенствуешь Поднебесную». Узнавая небесные знаки, следуешь Пути. Вэнь, с помощью духовной силы Дэ, выполняет предначертания Дао: в образе, узоре, сплетении линий, открытых просветленному сердцу. Недаром иероглиф Вэнь (буквально «узор») означает основу и уток, плетущие ткань Вселенной. «Вэнь передает взаимное сплетение вещей» (Сицычжуань). А значит, всякая оплошность, всякая неправда, обрывая нити ткани, нарушает вселенский порядок. Сам иероглиф обожествляется, будучи шифром небесного веления. Тем более относится это к иероглифам, обозначающим Культуру – Вэнь-хуа: Вэнь восходит к Духу (Хуа шэнь).

---

¹¹⁰ Suzuki D. T. Zen Buddhism. Selected Writings. – N.-Y., 1956. – P. 287.

¹¹¹ Алексеев В.М. В старом Китае. – М., 1958. – С. 281.

Илл. 40. Замок Сирасаги («Белая цапля»), Химедзи

Конфуций учил поклоняться Вэнь в прямотушии сердца. В узоры шкуры тигров и барсов он видел признак высшей породы, как в благородном – цзюнь-цзы, в отличие от баранов, шерсть которых не имеет узора. Он почитал древние тексты – вэнь, исходящие от Неба. Говорил: «Не сочиняю, а передаю. Верю в древность и люблю ее» (Луньюй, 7, 1). Вэнь доступна тому, кто следует Срединному Пути. «У кого естественность побеждает Вэнь, тот дикарь. У кого Вэнь побеждает естественность, тот книжник. У кого то и другое в равновесии, благородный человек» (Луньюй, 6, 16). В интерпретации Ю. Л. Кроля, преобладание «„природ-

ной сущности" делает человека „диким“, доминирование „утонченной формы" неискренним; только „правильное сочетание" этих качеств делает человека „благородным мужем" – цзюнь цзы»¹¹².

Илл. 41. Конфуций

---

¹¹² Китайская философия // Энциклопедический словарь / Под ред. М. Л. Титаренко. – М., 1994. – С. 267.

Китайский толкователь текстов Лю Се (465–522) проникает в суть Вэнь: «Начало письмен человеческих – вэнь – исходит из Великого Предела». Значит, Вэнь предсуществует в извечном истоке. И. С. Лисевич комментирует: «Словно куколка бабочки, идея литературы, по мнению Лю Се, пребывала в своем коконе – Великом Пределе, – когда мир как таковой еще не существовал и Дао только еще ждало первоначального импульса»¹¹³. Согласно Лю Се: «Человек... поистине сердце Земли и Неба. Когда же сердце рождается, появляется речь, а речь появилась – и вэнь становится ясно видна. В этом – Путь естества!»¹¹⁴ Естественность (цзыжань), ненарочитость, искренность отличают человека культуры (вэньжэнь). «Человек следует Земле. Земля – Небу. Небо – Дао, а Дао самому себе (цзыжань – самоестественно)» (Даодэцзин, 25).

Можно сказать, существует логика Неба, логика Земли, следуя которой человек находит собственную, становится Триединым с Небом и Землей. Культура, духовная сила Вэнь – знак просветленного человека, подвижника. Его душа и есть душа Неба и Земли. Душа рождает Слово. Появилось Слово – и воссияло Вэнь. Вэнь во всем: в узоре туч, в красоте Природы, в сиянии солнца. Каждая форма имеет особое выражение, и каждый звук рождает свое Вэнь.

Способность видеть невидимое, предошущение образа свойственно великим мастерам. «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений твоих ты создатель. Вечно носились они над землею, незримые оку», – пишет Алексей Константинович Толстой. А Вильям Шекспир в «Короле Лире» говорит: «Развей прообразы вещей и семена людей неблагодарных». Не надо глаз, чтобы прозревать ход вещей. Но для Китая это основа основ: все уже есть в изначальном Дао, пребывает в Небытии. Образы культуры ниспосланы Небом. Всматриваясь в небесные образы, мифологический первопредок Фуси передал их в гексаграммах «Ицзина», чтобы научить людей Пути Перемен.

Потому и не возникает у китайцев конфликта понятий «культура» и «цивилизация» – для них это явления разного порядка, как сущность и функция. Само слово «цивилизация» китайцы узнали от европейцев. На технику не уповали: «механическое сердце» противоречит Пути, но техника и наука, конечно, развивались. Достаточно вспомнить, что китайцы изобрели бумагу, компас, но относились к изобретениям как к чему-то прикладному, способному облегчить жизнь людей, не более того. Характерно, что и порох китайцы изобрели ради улады – для праздничного фейерверка (а иезуиты применили порох в соответствии с его «прямым» назначением). Ни техника, ни наука не шли для китайцев в сравнение с мудростью древних. Они почитали «человека культуры», но не было у них понятия «цивильный человек».

По мнению французского сиолога Марсель Гране, «от своих мудрецов китайцы требуют не идей – и еще меньше догм, – а подходящих для медитации тем». До эпохи Возрождения Китай превосходил Запад в технике, но увлек народы Дальнего Востока не силой техники, а силой мысли, стремясь сохранить определенную форму жизненного согласия – мудрость. Китайская мудрость совершенно независима и истинно человечна. «Любое знание, любая власть проистекают от Ли или Дао. Любой вождь должен быть мудрецом или святым. Любой авторитет основывается на разуме»¹¹⁵. Даже если речь идет об идеальной модели китайской жизни, она в любом случае свидетельствует о приоритете Культуры.

Современные китайцы тоже не сомневаются в преимуществе традиционного внутреннего Пути, несмотря на внешние достижения «фаустовской цивилизации». Заложенный в ее основе антропоцентризм низвел духовность до низшего порядка, превратив видимое и

---

¹¹³ Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. – М., 1979. – С. 19.

¹¹⁴ Там же. – С. 18.

¹¹⁵ Гране М. Китайская мысль. – М., 2004. – С. 391, 397.

невидимое в объект потребления. Отсюда катастрофические следствия: разрушение генов, видов, экологии, что грозит нарушить равновесие всей системы обеспечения жизни. Стремительное исчезновение языков (порядка 200 в год!) уничтожает разнообразие культур. По мнению китайского ученого Ду Вэймина, причина заключается в том, что «детерминизм и солипсистский эгоизм» заняли доминирующее положение в интеллектуальном мире Запада. «Представляется самоочевидным, что и капитализм, и социализм едины в агрессивном антропоцентризме, который лежит в основе современного склада мышления. Менталитет Просвещения, питаемый фаустовским стремлением исследовать, знать и подчинять, победил».

Источник менталитета Просвещения китайский ученый находит в греческой философии с ее акцентом на рациональности, а также в библейском образе человека – «владыки» Земли и в протестантской этике. «Вопиющий антропоцентризм» пронизал всю структуру Просвещения, приведя к антропоцентристскому манипулированию природой – за счет разрушения системы жизнеобеспечения. Этой участи избежал Китай, следуя конфуцианской морали «Великой гармонии» (Датун)¹¹⁶. Справедливости ради можно вспомнить слова Николая Васильевича Гоголя: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово „просвещение“. Просветить не значит научить или наставить, или образовать, или даже осветить; но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести природу его сквозь какой-то очистительный огонь»¹¹⁷. И здесь христианский идеал сближается с буддийским. Почти век спустя Павел Флоренский вынужден признать: вся история просвещения занята войною с жизнью ради схем. Это перевоспитание в духе нигилизма новый человек выдает за возвращение к естественности, «стараясь выскребсти с человеческой души письмен истории, продырявливает самую душу»¹¹⁸.

Устремленность к «Великой гармонии», идея Срединности вытекает из того же источника – изначального Небытия (кит. У, япон. Му). Хуэй спросил у Ван Би (Краткая история китайской философии, 226–249): «Если У лежит в основе всех вещей, почему Конфуций не говорил об этом, тогда как Лао-цзы говорил об этом постоянно?» На это Ван Би ответил: «Совершенномудрый (Конфуций) отождествил себя с Ничто и знал, что этому нельзя обучить. Поэтому он вынужден был говорить только о том, что есть (Ю – Бытие)». Автор «Истории китайской философии» Фэн Ю-лань напоминает: обычные люди воспринимают все вещи как пребывающие в Бытии (Ю) и не знают о Небытии (У). Поэтому будды увещевали: все вещи – Пусты. Говорить, что все пребывает в чем-то, – односторонний взгляд, так же как говорить, что все не пребывает ни в чем. Потому буддисты учат о двух истинах – относительной и абсолютной, но одной нет без другой. В этом мудрость Срединного Пути.

Когда отрицается все, включая отрицание отрицания всего, возникает ситуация, как у Чжуан-цзы: забыто все, даже то, что забыто. «Это состояние Чжуан-цзы называет „сидением в забвении“, а буддисты – нирваной». В действительности это Праджня – знание, которое выходит за пределы форм и свойств. «Обладать знанием У значит быть единым с ним. Это состояние тождественности с У называется нирваной. Нирвана и праджня – два аспекта одного и того же сознания. Как нирвана есть то, что нельзя узнать, так и праджня есть знание, которое не является знанием. Поэтому на Третьем уровне истины ничто не может быть высказано. Стоит оставаться безмолвным»¹¹⁹. Об этом в нашей традиции «безмолвствовали»

¹¹⁶ Ду Вэймин. Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития // Китайская философия и современная цивилизация / Институт Дальнего Востока. – М., 1997. – С. 15–28.

¹¹⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. – Т. 8. – М., 1952. – С. 285.

¹¹⁸ Флоренский П. А. Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1967. – Т. 3. – С. 390.

¹¹⁹ Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. – СПб., 1998. – С. 268, 271.

исихасты¹²⁰, (хотя и не предотвратили «царства мертвых слов» – по Гоголю). К их учению не случайно растет интерес.

Илл. 42. Сад Императорского дворца, Киото

Понимание Гармонии таково, каково сознание. Ощувив разницу в восприятии Гармонии, можно понять остальное. У греков Гармония – дочь бога войны Арея и богини любви Афродиты. И сколько ни менялось представление о Гармонии, закон противостояния оставался. Гераклит считал, что из разного образуется прекрасная Гармония, и все через распрю создается. Гомер в «Одиссее» называет гармонии скрепами. Для пифагорейцев Гармония – музыка сфер, согласие разнообразного, в основе же порядка и симметрии лежит, естественно, Число. «В целом прекрасное понималось как соразмерность, симметрия, пропорция – и это понимание было свойственно всей античной эстетике»¹²¹. Свойственно оно и нашему времени, хотя уже Плотин в трактате «О прекрасном» утверждал, что нет деления на часть и целое, умопостигаемая красота в любой своей частице есть абсолютно целое (что созвучно современной физике, квантовой теории).

Но в том-то и дело, что представление о Целом как состоящем из частей до сих пор довлеет над умами. Гармония остается пропорцией и симметрией, а не дыханием Природы. В «Сумме теологии» Фома Аквинский говорит, что цельность, имеющая изъян, безобразна; Гармония есть пропорция и ясность (в отличие от японских мастеров, для которых Гармония – в незавершенности: завершенность препятствует Дао). Гармония для Гегеля предполагает различие, противоположность, ибо она есть абсолютное становление. Он ссылается на музыку Баха, созданную сильнейшими противоречиями и диссонансами, – образ борьбы свободы и необходимости; эта борьба и вздымает все силы гармонии в музыке Баха. Не потому ли Восток не знал музыки баховской мощи, что следовал Срединному Пути? Но если бы не следовал, уравновешивая западную неистовость, во что бы превратился мир?

А разве наша поэзия не достигла высот божественной гармонии у А. С. Пушкина?

¹²⁰ Исихазм (от греч. «покой, безмолвие») – путь единения с Богом в святом молчании.

¹²¹ Шестаков В. П. Гармония как эстетическая категория. – М., 1969. – С. 49.

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...

Или у Тютчева:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

«Призрачная свобода»! Другой пока не знаем.

Для даоса Ле-цзы человек, пребывающий в гармонии, ни в чем не знает недостатка, ничто не может ему повредить. Он же может все – проникать сквозь металл и камень, ходить по воде, не гореть в огне. Про японцев говорят: гармония и чистота – их религия. Чувство гармонии породило «ситуационную этику» – умение действовать сообразно ситуации. И это отличает японцев от русских. Однако и японцы не всегда придерживались традиционной морали, что выразилось, например, в проявлении самурайской нетерпимости (подробнее позже).

Илл. 43. Сад Камней. Храм Рёандзи

Попробуем понять, почему после «открытия дверей» в эпоху Мэйдзи (1868–1911) японцы называли европейскую цивилизацию «дьявольской»? Даже сторонники европеизации радели об охране национального духа – «Ямато Дамасий», напоминая о традиции «вакон есай» («японская душа – европейские науки»). Накамура Масанао, переводчик «Принципов свободы» Милля и «Самопомощи» Смайlsa (изданных под заголовком «Биографии выдвинувшихся своими силами людей западных стран») наставлял: «Наука и моральное учение. –

два колеса у колесницы, два крыла у птицы. Взаимно помогая друг другу, они ведут жизнь человеческую к Благу. Одни науки, хотя и проникают в сферу чудесного, в условиях одного материального развития не могут, как это случилось в Египте и в Греции, предотвратить порчу нравов; необходимо, чтобы процветало и моральное учение: именно оно действует там, куда влияние науки не проникает»¹²².

Еще в 1857 году ученый Охаси Дзюндзо предупреждал соотечественников: «Огонь и вода – это Ки (энергия, кит. Ци). Процесс горения и течения – тоже Ци. Но что вода течет, а не горит, и что огонь горит, а не течет – по закону двуединой природы, это действие Ри (кит. Ли). Но если Ци разрушить, то и Ли исчезнет. Анализом Ци европейцы разрушили Ли, и потому их науки превратили Человечность, Справедливость, Искренность и Преданность в пустые слова»¹²³. Здесь есть над чем задуматься: одно без другого саморазрушается, как разум без сострадания, как наука без морали. В начале XX века публицист Таока Рэйун призывал знать западную литературу, но не забывать собственную. «Пусть существуют Библия и „Фауст“, Данте и Шекспир. Но существуют так же Упанишады, буддийские сутры, китайская поэзия Ли Бо и Ду Фу, наряду с японской прозой Кэнко-хоси и Бакина. Используя сильные стороны другой литературы, возвеличим собственную». При этом он резко выступал против западной цивилизации и тоже называл ее дьявольской. «Мы говорим – просвещение! Мы говорим – цивилизация! Но ведь они превращают человека в машину, морят голодом и умерщвляют. Так не говорите же, что в нашем мире есть Истина, Справедливость. Как и раньше, сила выше слабости, богатство выше бедности».

Раньше японцы не могли так же открыто выражать свое недовольство, как, скажем, японский социалист Котоку Сюсуй, почитатель Лао-цзы, Конфуция, Мэн-цзы. В статье «Сущность социализма» (1903) и он задается вопросом: «Совместимы ли принципы Человечности, Справедливости, Искренности с миром современной цивилизации? Вот вопрос, вот загадка сфинкса, заданная XX веку. Разгадает – жизнь, не разгадает – смерть. В этой загадке – судьба человечества»¹²⁴. Похоже, что человечество до сих пор не разгадало загадку сфинкса, не осознало значение предустановленной Морали, организующей жизнь на разумных началах. В 1911 году Котоку Сюсуй казнили «по делу об оскорблении трона». Еще в 1890 году вышел «Императорский рескрипт о воспитании», напоминавший о сыновней почтительности, почитании божественных предков – тех начал, которые заложены в традиционной Основе, несовместимой с «движением за свободу и народные права», на которое уповала интеллигенция 80-х годов XIX века.

Илл. 44. Иероглифы «Ямато» – «великое Равновесие»

Поистине, все зависит от Соответствия месту и времени, от закона подвижного Равновесия – Ва (так называли японцы свою страну в древности: «Ямато» – два иероглифа: «Вели-

¹²² Цит. по: Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. – М., 1978. – С. 270.

¹²³ Цит. по: Smith W. W. Confucianism in Modern Japan. – Tokyo, 1959. – P. 25.

¹²⁴ Цит. по: Бугаева Д. П. Японские публицисты конца XIX века. – М., 1978. – С. 133, 15.

кое Равновесие»). Нарушается Равновесие, Соответствие месту и времени – начинается разброд. В период Мэйдзи столкнулись противоположные тенденции: с одной стороны – любители старины, с другой – сторонники модернизации, просвещения на европейский лад. Особой популярностью пользовались книги Фукудзавы Юкити: «Все о странах мира» (1869), «За развитие науки» (1872), «Общие сведения о том, что такое цивилизация» (1875). Заголовки книг говорят сами за себя. Японцы пытаются освоить европейские понятия, ранее им не знакомые. Молодежь с восторгом принимала новые идеи, веру в прогресс, а умудренные опытом литераторы потешались над подражанием всему европейскому, пародировали новшества. Канагаки Робун высмеивал противоестественную для японцев европейскую моду в повести «На своих двоих по Западному миру». Герой задается вопросом: «А не является ли нынешняя мода на все европейское лишь простым изменением внешности?»

Так оно и было. Изменения не затронули глубин сознания японцев. По крайней мере, мало кого удивил вышедший в 1890 году «Императорский рескрипт о воспитании», напомнивший о почитании тех, кому Небом предназначено управлять страной. Поэт-романтик Китакура Тококу выступил не только против слепого подражания европейцам, но и против реставрации прошлого. В статье 1893 года «Народ и мысль» он писал: «Пришедшие извне чужеродные силы нам не годятся. Не годятся и отжившие свой век силы минувшего. Но нам не хватает творческих, созидательных сил. Народ, населяющий страну, должен обладать своими духовными ценностями, которые, объединяя его, созидают нацию. Общие духовные ценности, черты характера, являются источником, питавшим на протяжении тысячелетий творчество народа. Народ действует как единый человек; в нем живет воля, в нем живет стремление к свободе, стремление сохранить свою волю в пределах своей страны».

Насколько трудным для обновленной Японии оказался Срединный Путь, свидетельствует смерть Тококу, который покончил с собой в 1894 году. По той же причине почти полвека спустя ушел из жизни и Акутагава Рюноске: «Лягушка, прыгнувшая в старый пруд в саду, разбила столетнюю печаль. Но лягушка, выпрыгнувшая из старого пруда, может быть наделена столетней печалью». (Отрешенное хокку Басе: «Старый пруд! // Прыгает лягушка, // Звук воды», но в этом хокку нет отчаяния.)

Илл. 45. Тотоку Байдай (1749–1804). Пейзаж. Период Эдо, XVIII век. Национальный музей, Токио

Наступило время разочарований в возможности «свободы, равенства и братства». В 1893 году начинающий писатель Куникида Doppo, почитатель Карлейля и Эмерсона, писал в

дневнике: «Общество отравляет меня. Убивает душу. Разве дьявольская сила общественной жизни не делает человека жертвой славы и позора, богатства и нищеты? Разве не закрывает глаза нашей души? Человек видит только то, что лежит на поверхности, а скрытые в природе Красота и Истина ему недоступны». Как и Китакура Тококу, он верит во взаимное притяжение культур Запада и Востока. В Предисловии к сборнику стихов «Песни одинокого странника» «Доппогин» (отсюда его псевдоним – Доппо) говорит о встречном движении духа, который одних приподнял, других вверг в пучину отчаяния. «В наших жилах течет кровь, унаследованная от годов Тэмпо (1830–1844). В душе горят мысли и чувства Востока, в науке же мы приняли европейское крещение. И вот в нашей маленькой груди столкнулись мысли и чувства Востока и Запада, то, что унаследовано от предков, и то, что дало нам образование. По утрам, любуясь небесной радугой, я читаю вслух стихи Вордсворта. По вечерам, прислушиваясь к звону колокола, тоскую о поэзии Сайге»¹²⁵.

Действительно, не прошло и двух десятилетий после реставрации Мэйдзи, как писателями овладело чувство ностальгии, тоски по прошлому. Любовь к старине объединила членов «Общества друзей тушечницы» («Кэньюся»), но их успех оказался недолгим. Не потому ли, что отступили от Срединного Пути? В статье «Отшельник Кое» (Одзаки Кое – глава «Кэньюся») Доппо упрекал писателей Кэньюся в том, что отвергая западные традиции, они утратили и собственные. Для Кое человек – лишь часть общества, вне прошлого и будущего, вне Природы. «Кое, говоря о человеке, отбрасывает мир, в котором он живет. Вордсворт, думая о человеческой жизни, не забывал о Природе и обо всем человечестве. Поэтому у него и получались такие стихи. Но глубже, чем кто-либо другой из писателей XIX века, проникал в корень человеческой жизни Тургенев. Черпая материал из обыденной жизни, он показывал человека в единстве с великой Природой»¹²⁶.

Еще в 1881 году публицист Токутоми Сохо (брат писателя Токутоми Рока, почитателя Толстого) в организованном им журнале «Друг народа» писал: «Люди старшего поколения, покачиваясь в повозке прошлого, сходят со сцены. Зато молодежь новой Японии, оседлав коня грядущих дней, стремительно въезжают на арену будущего. Идите вперед, молодые энтузиасты, ратующие за преобразования! Они не только не нарушат общественный порядок, а, напротив, укрепят его. Современные потребности рожают современных людей. Новая жизнь требует новых деятелей, а новые дела требуют, чтобы на них смотрели новыми глазами. Вот почему мы начали издавать журнал „Друг народа“»¹²⁷. Но уже несколько лет спустя возникло движение за сохранение национальной самобытности – против европеизации, грозившей обезличить Японию.

Признанный во всем мире писатель Акутагава Рюноске пытался соединить западную культуру с собственной, но и его одолевало чувство раздвоенности. В «Диалоге во тьме» он писал: «Мы утратили дух Середины, чему нас учил мудрец Древнего Китая». Под мудрецом он имел в виду Конфуция: «О Шунь! Небо отметило тебя. Твердо придерживайся во всем Середины! Когда страна страждет, блага Неба кончаются» (Луньюй, 20, 1). Не следуя Срединному Пути, нельзя достигнуть счастья. В «Словах пигмея» Акутагава пишет: «А если и достигнешь, такое счастье обернется злом, как если в жаркий день поддерживать огонь или в холод обмахиваться веером».

Сдвоенное Ян или сдвоенное Инь несут гибель. Акутагава испытал это на себе: «Но что и дух традиций, и дух современности делают меня несчастным – этого я вынести не мог. Я вдруг вспомнил слова „Юноши из Шоулина“. Этот юноша, не выучившись ходить, как ходят в Ганьдане, забыл, как ходят в Шоулине, и ползком вернулся домой. Такой, какой

¹²⁵ Григорьева Т.П. Японская литература XX века. – М., 1983. – С. 21–22.

¹²⁶ Григорьева Т.П. Одинокий странник. – М., 1967. – С. 168.

¹²⁷ Цит. по: Хомма Хисао. История литературы Мэйдзи. – Т. 2. – Токио, 1937. – С. 25.

я теперь, несомненно, „Юноша из Шоулина“. Я взял себе этот псевдоним, еще когда не был низринут в ад». Дарованная свобода – несвобода. «Ликвидировать рабство – значит уничтожить рабское сознание, но нашему обществу без рабского сознания не прожить и дня»¹²⁸.

И на Западе, как убедился Акутагава, нет свободы. «Перед ним стояли не столько книги, сколько сам „конец века“. Ницше, Верлен, братья Гонкуры, Достоевский, Гауптман, Флобер («Жизнь идиота»). И разве не с цивилизованного Запада пришли к нам дурные привычки? – спрашивает он. И пишет в «Повести об оплате за добро»: «Невиданные у нас доселе воровские уловки, – ведь их, как крест и пушки, наша дикая Япония тоже переняла у Запада». В 1927 году Акутагава, как и Китакура Тококу, покончил с собой.

Разрушительная стихия обогащения не обошла Японию, проникла в «тело государства». У Японии не было иммунитета против дьявольской власти денег (самураи презирали наживу). Рабиндранат Тагор, поначалу поверивший в обновленную Японию, писал: «Азия показывает все признаки пробуждения от векового сна. Япония благодаря своим контактам и конфликтам с Западом заняла почетное место на мировой арене, тем самым доказав, что она живет современностью, а не туманными преданиями прошлого. За ней вступают в новый век и другие азиатские страны»¹²⁹. Но вскоре надежда сменилась разочарованием: «Безобразный дух коммерции проник через море в прекрасную страну Японию. И это угрожает гению нации, это надругательство над лучшим, что сделано и что должно быть сохранено не только для ее спасения, но для процветания всего человечества». Тагор приходит к неутешительному выводу: «Западная цивилизация не признает таких понятий, как честь. Нечеловеческая жестокость стала предметом бесстыдной гордости. И мы видим, как японцы, лучшие азиатские ученики европейцев, стараются в Корее и Китае перещеголять своих учителей»¹³⁰.

Измена национальному Пути не проходит бесследно: неминуема расплата за содеянное – по закону национальной Кармы, и писатели XX века свидетельствуют об этом. Нобелевский лауреат Оэ Кэндзабуро с горечью говорит об утрате национальной и личной идентичности. Писатель Сэридзава Кодзио в «Божественной серии» пишет о моральном падении японских солдат во время японо-китайской войны. А Куникада Doppo описал ужасы этой войны в «Письмах любимому брату» (1895): «Война – страшное, смрадное слово. Проклятие дьявола человеку. Как змея, ползет она из века в век, из страны в страну. Мы привыкли произносить слово „смерть“, но не можем себе ее представить. Лишь увидев трупы людей, узнаешь, что это такое». Его очерки имели успех, несмотря на патриотический бум: верность Жизни оказалась сильнее верности долгу.

Итак, непросто приобщалась Япония к неведомой цивилизации. Но дело не в цивилизации самой по себе, а в ее направленности. Если цивилизация отпадает от Культуры, она, действительно, становится дьявольской, подминает под себя человека, уподобляя его машине. Что ни говори, поклоняясь капиталу, теряют себя; мельчают души, человечество деградирует. Деньги, как наркотик, губит неокрепших – одержимостью к накоплению денег или острых ощущений. О последствиях потребительской цивилизации, которую называют то «техногенная», то «дьявольская», всерьез задумываются ученые. Превращаясь в стихию, цивилизация становится враждебна всему живому. Об этом говорят уже открыто: выбросы в атмосферу, расщепление атомной энергии вызывают не только стихийные бедствия – наводнения, тайфуны, но и притупляет человеческий разум. Больные младенцы – расплата за неумную страсть к экспериментам. Вслед за разумом исчезает инстинкт самосохранения. Самозащита Природы. Получается, что хомо сапиенс, человек разумный, движется не вверх,

---

¹²⁸ Григорьева Т. П. Японская литература XX века. – С. 98.

¹²⁹ Там же. – С. 17.

¹³⁰ Тагор Р. Собр. соч.: В 12 т. – Т. 11. – М., 1965. – С. 300.

как ему назначено Божьим Промыслом, а вниз, отягощенный грехами, в самую Преисподнюю. Такова его свобода выбора: стихия властвует над ослабленным умом.

Говорят, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Но гром уже грянул, сполохи молний возвещают беду, а мужик не спешит, ждет новых предзнаменований. Дело, видимо, не в цивилизации, а в происках нечеловеческого разума. Но и это поддается осмыслению, если учесть опыт цивилизаций, избежавших антропоцентризма, скажем, китайской или японской. Можно понимать цивилизацию как нечто заданное изначально, «постоянное Дао», к которому приближается или отдаляется дух народа. Если отдалится, то погибнет, за ненадобностью, как не выполнивший своего назначения.

О национальных цивилизациях размышляют авторы третьего выпуска альманаха «Цивилизации и культуры»¹³¹. Остановлюсь на этом выпуске, хотя и предыдущие заслуживают внимания. Речь в нем идет о цивилизации, освященной духовной культурой. Классические цивилизации «осевого времени» имеют в своей духовной основе разрыв и дуализм между Небом и Землей, повседневностью и вечностью, считает Б. С. Ерасов. Вместе с тем во всех цивилизациях духовными компонентами были отрицание государства, неприятие здешнего мира и признание универсальности духовной общности. По Н. Я. Данилевскому, всякая цивилизация имеет индивидуальный и замкнутый характер, но механизм всех цивилизаций одинаков: цивилизации вырождаются, когда вырождается общество, в отличие от органической культуры, независимой от времени. Он приводил в пример культуру Китая: наука и знание нигде не пользуются таким высоким уважением, как в Китае. А славянофил А. С. Хомяков ставил Конфуция «выше всех философов в целом свете».

Возможно, и так. В начале пути возвышенные идеи, благие порывы вдохновляют. Но с некоей неизбежностью происходит переворачивание ценностей: второстепенное, частный интерес становится над главным, «общим делом». Побеждает логика мелкого человека – сяожэня, для которого выгода выше Истины. «Биологически – прогресс состоит в поглощении младшим старшего, – по Николаю Федорову, – психологически он – замена любви к отцам бездушным превозношением над ними. самое безнравственное вытеснение сынами отцов»¹³². Тогда и превращается цивилизация в свою противоположность, в варварство. И все же, цивилизации «осевого времени», к которым принадлежит и Россия, «запрограммированы на бессмертие и обнаруживают способность к трансформации и возрождению»¹³³.

Российская цивилизация, действительно, не исчерпала своих возможностей. Двигаясь по ухабам, разрушая то, на что вчера молилась, ищет выхода. Цивилизации, выполнившие свое назначение, такие, как египетская, называют мертвыми цивилизациями: они переселились в другие земли, оголив собственные. Но почему погибали одни цивилизации и не погибали другие – индийская, китайская, русская? Я уже задавала этот вопрос, не потому ли живы те цивилизации, которые следовали или пытались следовать Срединному Пути, который предписан Небом, Богом?

Но как следовать Срединному Пути, если сознание не поднялось до Мудрости? Ответ лежит за пределами обычной логики, но доступен целостному (голографическому) мышлению. Срединный Путь нелинеен, многомерен, движется туда-обратно (шунь-ни), сверху вниз и снизу вверх – пульсирует, как все живое. «Одно Инь, одно Ян и есть Путь». О труднопостижимости его свидетельствует интересная статья А. С. Панарины, одного из авторов названного альманаха, в частности, его сетования в связи с кончиной «парадигмы Отца». С одной стороны, он признает синергетичность, то есть согласованность, сопряженность раз-

---

¹³¹ Цивилизации и культуры / Под ред. Б. С. Ерасова. – М., 1996. – Вып. 3.

¹³² Цит. по: Петров П. Н. Ф. Федоров и его учение // Журнал «На Востоке». – Токио, 1935. См. Приложение к книге: Григорьева Т. П. Чарующая радость жизни. – М., 1998. – С. 199.

¹³³ Цит. по: Ерасов Б. С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. – С. 13, 17.

нокачественных начал – ключевое понятие православновизантийской традиции, в отличие от западного субъект-объектного принципа. Славянский тип мышления есть как бы промежуточная ступень «между восточным Дао и западноевропейским Логосом, между пантеистической восприимчивостью и картезианским формализмом»¹³⁴. С другой стороны, он не может смириться с тем, что современные радикалы постмодерна объявили о «смерти Отца» в культуре; страдают от «власти Отца», тяготеют авторитетом как таковым и пытаются ниспровергнуть его любой ценой. Его можно понять. «Смерть Отца» означает, что норма как источник ограничений утратила силу и «мы вступаем в „эпоху свободы" – свободы от всякой традиции, в том числе и моральной. Не приведет ли „смерть Отца“ в культуре к безудержному нигилизму планетарного масштаба?»¹³⁵

Илл. 46. Дорога в святилище Касуга-Тайся, Нара

Считаю, что приведет, если и дальше будет властвовать «парадигма Отца», исчерпавшая в одиночестве свое творческое, янское начало. И не приведет, если уравновесится иньской интуицией, материнским милосердием. Такова логика Срединного Пути. Не пришло ли время полагаться не столько на нормы, «ветхие одежды», сколько на сердечный разум? Уже более десяти лет назад я писала в статье «Иньская фаза Эволюции»¹³⁶, о том, что Закон двуединой природы приложим и к понятию «Эволюция». Существуют два вида Эволюции, как два Дао – извечное, небесное и временное, человеческое – в соответствии с двумя планами Бытия. Сторонники «универсальной эволюции» ведут речь о смене аграрной, индустриальной и наступлении «информационной цивилизации». Но это все – человеческое измерение, «явленное Дао». Цивилизация такого рода уступает место следующей, выполнив свою функцию. Информационная цивилизация, не зная Великого Предела, превращается в свою противоположность: избыточная информация становится дезинформацией. Не говоря уже

¹³⁴ Панарин А. С. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизации и культуры. – Вып. 3. – С. 41.

¹³⁵ Там же. – С. 31.

¹³⁶ Григорьева Т. П. Иньская фаза Эволюции // Алтай – Космос – Микрокосм. О духовно-экологической цивилизации XXI века: Тезисы конференции / Алтай – Барнаул, 1995. – С. 18–26.

о том, что человек, полагаясь на информацию, перестает думать самостоятельно, а стало быть, сопереживать.

Небесный порядок задан, как его ни назови – Богом, Логосом или великим Дао, – задан в виде идеального образца, к которому приближается земное существование. Но приближается он не только усилиями человека, но и по закону предустановленного Пути, чередования Инь-Ян. Если же этого не происходит, наступает стагнация. Земля ведома Небом, а не наоборот. Об этом и говорит Лао-цзы в начале «Даодэцзина». Следуя разными Путиями, человечество восходит к единству высшего порядка – нераздельному и неслиянному. Известно, что человеческая история движется зигзагами, по спирали, и может отставать от Небесного Пути на шаг, а может навечно. Дао безостановочно, и на высшем плане происходят Перемены, только в ином, вселенском ритме.

Поворот от Инь к Ян и наоборот есть закон Эволюции. Солнце – Ян взаимодействует с Луной – Инь, как Небо с Землей. Если же связь нарушена, то наступает Упадок. Представьте, что было бы, если был бы только вдох и не было выдоха, прилив – без отлива, мужчина – без женщины. Прекратился бы род человеческий! Но до сих пор одно властвовало над другим, со времен Аристотеля: «Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве» (Политика, 1, 2).

Илл. 47. Н. К. Рерих. Мать мира

Так и повелось на протяжении двух с половиной тысячелетий, пока не взбунтовалось женское начало. Но всякий бунт есть нарушение Пути. Заблудшее Ян нуждается в иньском начале, чтобы не воспламениться. Таков Закон: ничто не может существовать за счет другого без ущерба для себя. Затянувшееся Ян теряет связь с высшим Разумом, приходит к тотальному безрассудству, решая проблемы силой, которая исчерпала себя. Сама сила становится стихией, разрушающей Жизнь. Разумная энергия Огня или Воды превращается в неразум-

ную. Всякая стихия, самоуничтожаясь, уничтожает и все вокруг, как величайший вулкан. Противостоять этому может лишь сила Духа, высшей Мудрости, выводя сущее к спасению.

XX век завершил «парадигму Отца» не лучшим образом, обрушив на человечество войны и революции. XXI век являет бессилие силы. Но приходит осознание, что существуют высшие Законы, не зависящие от человека, с которыми он не может не считаться. Эволюция идет своим чередом – не ждет, пока человек образумится (выйдет на правильный аттрактор, – по слову синергетиков) и начнет решать свои проблемы не физической силой (согласно поговорке «сила есть – ума не надо»), а Любовью, заповеданной Богом. Инстинкт самосохранения взывает к иньскому началу – к интуиции, милосердию, соучастию. Сознание поворачивает от внешнего к внутреннему, и этот процесс необратим. Примиряются пары, доселе враждующие: наука и религия, чувство и разум, Восток и Запад.

Наступающая иньская фаза не означает власть женщины, возвращение к матриархату. Инь не вытесняет Ян, а дополняет его – в устремлении к целому человеку. В этом особенность наступающей эпохи – выход к целостному существованию без борьбы, которая лишь взбаламучивает энергию, нуждающуюся в покое¹³⁷. Роль миротворца выполняет Жена: Мудрость – Праджня, взывающая к Состраданию. О наступлении эпохи Великой Матери возвещали мудрецы Индии, надеясь предотвратить распри XX века. Вечная энергия, или Божественная Мать, даст человеку то, в чем он более всего нуждается: любовь, радость, стремление к свету, – увещевал Рамакришна. Для него Пресвятая Мать и есть Абсолют, единое и множество. «Мать – не есть ли это наше глубочайшее Я, которое мы несем в себе?» Вивекананда в 1893 году на Парламенте религий в Чикаго призывал: нам нужны «взаимопомощь, а не борьба. Взаимное проникновение, а не разрушение. Гармония и мир, а не бесплодные дискуссии». Так заповедано Матерью мира, которую Елена Ивановна Рерих называла Матерью Рождающей, духовной сущностью Материи.

Вечные Истины не могут не осуществиться со временем. Для Лао-цзы Мать есть Дао: «То, что возникает из Единого, прежде Неба и Земли родившееся. О, беззвучная! О, не имеющая формы! Одиноко стоит, не меняется. Повсюду действует и не знает преград. Назову ее Матерью Поднебесной. Не зная имени, назову ее Великое Дао. Великое в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, возвращается к истоку» (Даодэцзин, 25). Материнская любовь не дает перейти предел, впасть в крайность, вражду, за которой конец.

Дао подобно Воде – Инь, в которой все зарождается, как в материнском лоне. Вода – высшее благо, «приносит пользу всем существам и не борется с ними. Вода похожа на Дао» (Даодэцзин, 8). Вода – орошение, успокоение, утоление. «Сострадавая и помогая, Дао ведет к Добру» (Даодэцзин, 41). Лао-цзы не раз возвращается к мысли: «Начало сущего – Мать Поднебесной. Когда поймут Мать, поймут и ее детей. Когда поймут детей, с благоговением отнесутся к Матери. Не будут знать беды» (Даодэцзин, 52). Японцы комментируют: «То, что все порождает и хранит в единстве, называется Матерью мира. Кто видит Мать, тот видит Путь». Недаром Дайсэцу Судзуки называет западную цивилизацию «мужской», а восточную – «женской». О том же пишет Ромен Роллан: концепция Матери существовала в Индии во все времена, как на Западе концепция Отца¹³⁸. Не случайно знания древней мудрости воплотили в одно и то же время такие женщины, как Елена Петровна Блаватская, Елена Ивановна Рерих, в Японии – Накаяма Мики, основательница Учения о Небесной Истине (Тэнри). По мере того, как будет восходить иньское, примиряющее начало, акцент будет сме-

¹³⁷ Фритьоф Капра называет невежество (авидья) беспокойным состоянием сознания: «Когда сознание беспокойно, продолжается множественность вещей; но когда сознание обретает покой, множественность исчезает». См.: Капра Ф. Дао физики. – СПб., 1994. – С. 19.

¹³⁸ Роллан Р. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии // Собр. соч.: Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. – Т. 19. – Л., 1936. – С. 105, 124.

щаться с Цивилизации (Ян) на Культуру (Инь). Но это не значит, что одно будет существовать за счет другого. Каждое займет свое место в процессе Эволюции к Духу.

Навык Культуры (в Японии)

Японию можно назвать одной из самых культурных наций – не потому, что она помнит древние тексты, а потому, что чтит духовную культуру. Можно иметь высочайшую литературу, музыку, философию – и не быть культурной нацией. В России, в частности, разрыв между духовной культурой и массовым сознанием, высокой мыслью и беспутными нравами так и не преодолен. Отсюда ее беды – экономические, демографические. Если корни Культуры уходят в глубину, они не могут исчезнуть; рано или поздно они возвращают человеку то, что ему принадлежит. В конечном счете Жизнь и есть то, чему поклоняются японцы. Культура же – условие Жизни: вне культурного поля души высыхают, из живых становятся мертвыми.

Для японцев Культура – это все: деревья, цветы, голоса птиц, шум ветра, сияние луны; но главное – благородство тех, кто хранит заповеданное, – «человек культуры» (бун-дзин). Культура унаследована от богов – ками, в ней путь к спасению – ками нагара-но мити, что значит «оставлять все на волю богов», не вмешиваясь в Татхату – высшую Реальность. «Мы, люди, не можем превзойти ее, как бы яростно и отчаянно ни упорствовали. – Это можно счесть некоей покорностью. Но японцы не жалуются, не проклинают, как большинство людей Запада; они просто принимают это – с бодростью духа и с юмором»¹³⁹. В этом рассуждении Дайсэцу Судзуки есть сермяжная правда или вечная мудрость. «Гибель богов» стала причиной затмения разума, взаимоуничтожения людей в конфликтах мирового масштаба.

Судзуки уточняет: под термином «ками нагара-но мити» понимают возвращение, сохранение, восстановление того порядка вещей, который был при богах до того, как появились люди. «Это был путь свободы, естественности и спонтанности. Как же мы удалились от него? В этом заключается фундаментальная религиозная проблема. Отсутствие свободы – причина всех бед, всех страданий, всех конфликтов, которые происходят в мире»¹⁴⁰. И с ним трудно не согласиться. Конечно, и японцев не миновала всеобщая напасть, и их экология под угрозой, проблема «когай» – проблема загрязнения среды – встрепнула души. Но чувство вины, стремление спасти Природу говорит о непреходящей любви к ней. В Японии старое дерево подвяжут, чтобы не рухнуло, на цветы молятся. Ханами (любование сакурой) – национальный праздник. И на крышах небоскребов, и в крохотном дворике можно увидеть ухоженный садик. Урбанизация изменила облик городов, но не души людей, по крайней мере, не всех.

Природа любит тех, кто ее любит, хотя время от времени взыскует, как строгий Учитель, чтобы не отступали от Пути правды. Боги ценят усердие, заботу о сотворенном ими в начале Пути. Не оттого ли живут японцы дольше других, верят не в «конец света», а в бессмертие, бесконечность Жизни, которая не завершается с уходом человека, а лишь меняет форму. Потому и не развился у них эгоцентризм, не появилось чувства отчуждения, разъединения с Природой и с остальным миром – «домом Бытия».

Все в этой жизни не напрасно. От вековой культуры японцы унаследовали образ жизни, манеры, стиль общения: деликатность, умение слушать – не столько высказаться самому, сколько дать сказать другому. Культ предков, культ Природы, культ чистоты – не только в быту, но и в мыслях. Ничего лишнего, располагающего к праздности, суетности. Об этом немало написано, о том, что своими успехами Япония обязана культуре нравов. Но, пожалуй, более всего японцев возвышает чувство прекрасного. Не любовь к роскоши, изобилию,

---

¹³⁹ Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура. – С. 261–262.

¹⁴⁰ Там же. – С. 419–420.

а умение видеть малое, очарование незаметного, скрытую красоту вещей (моно-но аварэ). В одном цветке увидеть все цветы; в одном звуке услышать все звуки. Три тысячи миров – в одной мысли. (Это и позволяет говорить о сингулярном сознании японцев.) Конечно, не все японцы причастились Красотой, но «народ» – понятие качественное, не количественное: «то, что думает Бог в вечности». О национальной душе японцы не забывали ни в какие времена.

Илл. 48. Тотоку Байдай. Пейзаж. Период Эдо, XVIII век. Национальный музей, Токио

В период Хэйан (794-1185) в ходу было выражение «некрасивое недопустимо», что означает не только умение видеть таинственно-прекрасное, но и не допускать оплошность, нерадивость. Японец, если берется за дело, отдается ему сполна. По дзэнскому образцу: «действовать посредством всего существа» (дзэнтай саю) – с полной отдачей, в состоянии муга (самоотрешенности). Потому и японская техника славится. Делать что-то небрежно – великий грех (цуми), это не столько нечестивость, сколько неопрятность, нарушение изначальной Гармонии. Некрасивое недопустимо, потому что Красота есть Истина, а Истина – Красота, они единосущны.

Чувство прекрасного обусловило отношения людей между собой, культуру чувства и мысли. Культура божественна, живет своей жизнью, следует своему Пути. Мастеру остается понять ее бессловесный язык и не навязывать себя, а прислушаться к ее голосу. Понять, что ей чуждо, что ей близко, не посягая на ее свободу. Доверие спонтанности, интуиции – от ощущения таинственно-прекрасного. Писатель Танидзаки Дзюньитиро, классик XX века, выразил это образно в эссе «Похвала тени»: «В одной нашей старинной песне говорится: „Набери ветвей, заплети, завей – вырастет шатер. Расплети – опять будет пустовать лишь степной простор“. Слова эти хорошо характеризуют наше мышление: мы считаем, что красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей, плетущей узор светотени»¹⁴¹. Заметьте – опять мы видим «узор»: узор подвижный, передающий ритм Природы. Это объясняет поклонение японцев «красоте непостоянства» (мудзё-но би).

Знаменитый Кэнко-хоси в «Записках от скуки» (XIУ в.) говорил об этом, как о само собой разумеющемся: «Если бы жизнь наша продолжалась без конца, не улечиваясь, подобно росе на равнине Адаси, и не уносясь, как дым над горой Торибэ, ни в чем не было бы очарования. В мире замечательно именно непостоянство» (фр. VII, перевод В. Н. Горегляда). На эту особенность художественного стиля обратила внимание и русская художница Варвара Бубнова, прожившая много лет в Японии. Ей близко чувство Пустоты, паузы в искусстве японцев (которое и «искусством» трудно назвать, скорее – это органическое продолжение Жизни). «Рядоположение большой Пустоты и небольшой заполненности создает баланс контрастов, баланс, заменивший на Востоке механическую симметрию равновесия Запада, совсем иного психологического содержания по сравнению со свободой баланса Востока»¹⁴². Баланс или подвижное Равновесие – «Ва» (японское чтение явараги – уступчивость, мягкость) означает отзывчивость, благожелательность, но не пропорцию частей. Неправильной формы чашка в руках чайного мастера может приобщить к Пути. Пустота располагает к свободе, позволяя быть самим собой и мастеру, и тому, что он изображает. Искусство, рождающееся из Пустоты, не подавляет, а расширяет чувство и мысль человека.

¹⁴¹ Танидзаки Дзюньитиро. Похвала тени // Восточное обозрение. – 1939. – № 1. – С. 124 (первое издание на русском языке).

¹⁴² Уроки постижения. Художник Варвара Бубнова / Под ред. М. П. Кожевниковой. – М., 1994. – С. 172.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.